

Лариса Малмыгина

Лилия Белая

Лариса Малмыгина

Лилия Белая. Эпический роман

«Издательские решения»

Малмыгина Л.

Лилия Белая. Эпический роман / Л. Малмыгина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839843-8

Судьбы трех сестер из семьи уральского крестьянина Назарова резко изменились, когда грянула Великая Октябрьская революция. Девушек разбросало по разные стороны баррикад...

ISBN 978-5-44-839843-8

© Малмыгина Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Назаровы	6
Глава 2 Улюшка	10
Глава 3 Чужая	14
Глава 4 Побег	18
Глава 5 Уже вдова	22
Глава 6. Нареченный	26
Глава 7 Живая	29
Глава 8 Сестры	33
Глава 9 Начало	37
Глава 10 Грушкина тайна	42
Глава 11 Вдовье счастье	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лилия Белая

Эпический роман

Лариса Малмыгина

Дизайнер обложки Олеся Олеговна Трушкина

© Лариса Малмыгина, 2017

© Олеся Олеговна Трушкина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9843-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Назаровы

– Улька! – крикнул кто-то, находясь по ту сторону избы. – Улька, выходи во двор!

Тонкая, как тростинка, девушка оторвалась на минуту от свежесыропеченной печи и нехотя подошла к маленькому окошку, чтобы взглянуть на бездельника, пытающегося отвлечь ее, трудолюбивую, от такого наиважнейшего и наипочетнейшего занятия, как выпечка хлебов.

Невысокий худощавый паренек с залихватским чубом, смачно пощелкивая семечки, уютно примостился на завалинке ее отчего дома.

– И чо в горенке сидишь, зазноба? – выплевывая крупную с желтинкой шелуху, лукаво поинтересовался пришелец. – Али не хотишь меня зреть?

Она, действительно, не хотела видеть чубатого, она презирала его всем своим маленьким неопытным сердечком, так как совсем скоро постылый коротышка должен стать ее богом данным мужем.

– Отринь, – процедила сквозь зубы девушка и почувствовала запах подгорелого теста.

Надо было спасать будущий ужин, иначе... Иначе мачеха начнет браниться, а то и залепит падчерице пощечину. Как же хорошо было при милой матушке! Но матушка приказала долго жить почти год назад. Хлопотала знахарица бабка Пелагея над умирающей, хлопотала, да что толку. Уж больно сильно простыла Анна Петровна на сенокосе. А все этот шквальный ветрюга да леденящий ливень, как снег на голову, пришедший с мутной, неприветливой реки Сороки, за которой с незапамятных времен горделиво возвышается заброшенный таинственный женский монастырь. Что только не болтают про то чудное строение, врут, наверное.

«Слава Господу, – утирая рукавом цветастой кофточки, поддетой под самотканый льняной сарафан, вспотевший от жары лоб, облегченно подумала труженица, – пушистые хлеба не подгорели, на диво удались они».

– Чаво убегла, краля? – появился в проеме двери будущий ненавистный муж. – Неужто не сохнешь по мне?

«Как же пригожа будущая супружница, – мозговал между тем недоросль, потихоньку подходя ближе, чтобы ущипнуть милую за налитую молодостью ягодицу, – и глазищи у нее, как у телки Звездочки. Зыркает ими, зыркает, всех парней уже приворожила, да поделом голожопым, не по зубам им Василья девка. Тоща только, да мамаша ее откормит, будет кровь с молоком».

– Уйди, – прошипела Улька, накрывая плоды трудов своих белым самолично вышитым полотенцем, – Знашь же, что не люблю.

– А это мы еще посмотрим, – нервно хохотнул пришелец, ловко укладывая короткопалую руку пониже спины девушки, – я тебя научу мужа почитать.

Верстах в двадцати от Михайловска, среди лесов и холмов, стоит небольшое село Сорокино. Там и родилась в начале суетного двадцатого века Ульяна Назарова. Отец ее, Василий Иванович, считался зажиточным, середняком, имел пяток дойных коров, две лошади да каждой хвостатой твари полон двор. Детищ у родителей было четверо, вернее, осталось четверо, так как остальные семеро умерли еще младенцами от каких-то непонятных болезней. Да и у кого в селе ребятня не преставилась? Разве только у Марфы-колдуньи, так у нее и вообще наследников не было, видно, наказал Господь ее за дела непристойные.

В тридцать девять лет отроду от простуды скончалась Анна Петровна, оставив на попечение второй половины двадцатилетнего Филю, восемнадцатилетнюю Матрену, шестнадцатилетнюю Наталью да самую младшенькую – четырнадцатилетнюю Улюшку, краше которой не было во всей округе. Высокая, тоненькая, с чистейшей белоснежной кожей, огромными голубыми глазами и толстой пшеничной косой, она невольно притягивала взгляды представителей обоего

пола. Да что взгляды! Василий боялся выпустить дочь из дому без присмотра сестер и брата. А тут еще сам тысячник Дементий Макаров свататься к нему пришел. Сын у него, правда, дохленький, да с лица воду не пить. Зато первой хозяйкой в округе его доченька станет. Жаль, что преставилась Аннушка, не дожила до такого счастья. Теперешняя жена Иваныча Аграфена, как и полагается мачехе, не возлюбила его ребяtnю, да и какая такая баба захочет чужие рты хлебушком кормить.

Плакала Улька, плакала, да слезоньки, что вода, в землю впитались, зато Тришка влюбился в суженую без ума, по вечерам подворотню обхаживает да песни горланит, благо где-то на гармошке играть научился. К тому времени Матрена в Михайловск укатила, взял ее за себя цирюльник городской. Наталью вот выдать бы еще, но не вышла она росточком, на дитятко до сих пор похожа. Да и кто взглянет на Наташку, коли такая пава, как Ульяна, по двору ходит. Хотели Фильку в солдаты забрать, чтобы за царя-батюшку голову сложил, да упал малый на посевную и ноженьку подвернул. В город к фельдшеру возили болезного, только и там не смогли помочь бедолаге, говорят, перелом какой-то диковинный у него. Так и остался Филимон при доме: где коня подковать, где поводья починить, где на огороде подмочь. Девоч стал сторониться, загодя снова болтал, что не нужны они ему, девки эти. А Грушка и рада, заявляет, что скопытится скоро наследник, не жилец он на белом свете. Добро бы, сама понесла дитятко, да нет, бесплодная оказалась баба. То-то не брал ее до тридцати лет никто, да к тому же порченная баба попалась. Баюют люди, квартировал у ее родителей питерский ссыльный, Алексеем Антоновичем звали, да пропал он однажды в лесу, вроде, утонул в окаянном ведьмином болоте, которое лежит за речкой Сорокой подле поросших мхом заброшенных стен женского монастыря и терпеливо ждет свои редкие жертвы. Только зря старается адская трясина: обходят сорокинцы это гиблое место за многие версты. Хотя... двум смертям не бывать, а одной не миновать. Вчерась плотник Фома Еремин из города вернулся. Навроде в самом Питере царя из-за нехватки хлебушка с трона смахнули и в полон взяли, да еще рассказывает, что скоро всех лиц мужеского пола в армию заметать будут, чтобы с окайным немцем в окопах вшей кормить. Так что все одно: погибель ждет народ русский, погибель да безвластие проклятушее.

– Сохну я по тебе, девка, – Тришка внезапно пустил одинокую слезу и захлюпал картофельным носом. – Не томи ты меня, дай поцелую, жизнь не мила без тебя, ноченьки не сплю, все о тебе думаю.

– Сгинь! – в сердцах крикнула Улюшка, отталкивая от себя ненавистного прилипалу, – Сгинь, дай хоть до свадьбы свободой натешиться!

– Ты у меня натешись! – угрожающе набычился коротышка и в ярости опустил волосатый кулак на румяный свежееиспеченный каравай.

– Ах! – воскликнула девушка, хватаясь за то, что еще недавно радовало душу и зрение.

– Это еще чаво получатся? – нежданно-негаданно послышался громовой голос из открытой настежь двери, – Ты, падла, чаво ерепенишься, коли такой богатырь снизошел до сироты безродной?

Вздвигнув, Ульяна резко повернулась на этот до боли ненавистный голос. На чисто выскобленном пороге стояла собственной персоной Аграфена Платоновна.

Черные, немного косящие ее глаза метали грома и молнии, прямой острый нос неистово раздувал удлиненные хищные хрящеватые ноздри, а приоткрытый рот с тонкими синеватыми губами силился изречь что-то премерзкое, дабы вновь унижить постылую падчерицу.

«Как же она похожа на чернокнижницу, – в ужасе отскакивая к укладистой русской печи, подумала Уленька, – Ан нет, недолго будет тешиться моим сиротством старая гарпия, пойду к вечеру к ведьминому болоту да утоплюсь в нем».

– Замолчи, баба! – внезапно рыкнул на пришедшую фурию Трифон Макаров. – Скажу батяне, привезет тебе подводу первейшей в Сорокине пшеницы. Не тронь Ульку, Агриппина Платоновна.

«Впервые за многие месяцы кто-то заступился за сиротинку, – обреченно вздохнула страдальца, – наверное, судьба такая девице выдалась – сопли смердящему Тришке вытирать. Да лучше сопли, лишь бы хозяйкой самой себе быть. А от мужа никуда не денешься, так как судьбинка такая у каждой девки – замуж поневоле выходить. Да и мужики все одинаковы: нороят под юбку залезть, а потом с дитем бросить. Вон и Колька Саврасов вчера подсолнухами угощал, а сам клейким взглядом ее груди ощупывал. Да и красавец Тиша Баранов прижал как-то к осине да давай целовать. Словно укусы его поцелуи были. Долго потом мыла Уленька губы в ручье быстром, долго полоскала рот травяными настоями».

– На Покров свадьба будет, – будто приказал нелюбый нареченный и, задрав к потолку небольшую свою головку, неторопливо, вразвалочку, вышел из ставшей отныне завсегда скандальной избы. Стоял август тысяча девятьсот семнадцатого года.

Матрена сидела в кресле и с тревогой читала свежую газету. 27 августа распалось еще одно правительство, на смену ему пришла какая-то неведомая Директория, а с чем ее едят, Мотя не знала. Гришаня вчера пришел домой взвинченный. Не снимая сапог, он рухнул на стул и будто оцепенел.

– Черт возьми, – через некоторое время вяло пробурчал он и странно так взглянул в глаза встревоженной донельзы жене, – слушай-ка, драгоценная, если так будет продолжаться и дальше, я в скором времени останусь без работы.

Григорий положил ногу на ногу и вновь застыл, словно прислушивался к самому себе и не мог понять, что вещают его образованный мозг и здравомыслящее сердце.

Еще бы ни образованный! Все же целых семь классов за плечами, даже ее, вторую половину, ненавидящую церковно-приходскую школу, читать да писать выучил. Как же приятно приехать в родной дом и щегольнуть таким новомодным словом, как анархия. Или революция. А еще приятнее сказать, что она, Матрена Васильевна Иванова, и есть самая настоящая революционерка. Пусть завидуют!

– Почему бы тебе не стать комиссаром? – мурлыкнула Мотя, прижимая щеголеватую голову мужа к своей пышной груди? – Все же довольствие будет да почет какой-никакой.

– Надо подождать, – оживился чернявый Григорий. И свободный от объятий ус покрутил. – Сначала пускай разберутся меж собой революционные течения. А там посмотрим.

«Какая же умная у меня супруга, – кося коричневым глазом на ситцевую, готовую от натуги дать трещину, кофточку советчицы, продолжал раздумывать между тем Григорий. – Разве скажешь, что дремучая деревенщина. И сама собой уж до чрезвычайности хороша: статная, полногрудая, кровь с молоком. Не чета, правда, соплячке Ульке, но не по зубам ему, простому парикмахеру, Улькина красота. Был бы он тысячником, но родитель хренов спасовал: на заводе у Коновалова за гроши батрачил. Явился бы Григорий, такой богатый и пригожий, в дом к Назаровым. Взглянул бы на младшую Василия дочку, упала бы она в обморок от его обвораживающего взгляда. Подхватил бы он ее на руки.... На черта бы тогда ему сдалась Матрена Васильевна».

– Гришенька, – крепко прижалась к мужу страстная пышнотелая женушка, – иди ко мне, Гришенька, дай я тебя поцелую.

Наталья полола свеклу да думала свою невеселую думу. До чего же она махонькая, бедная сиротинушка, до чего несчастная. Кто же замуж возьмет такую худую да бледную. Уже давно нравится ей могучий Тишка Баранов, да только он все за сестрой Ульяной увивается. Счастливая Улька! Эдакий добрый парень ей достался, а она от него нос воротит. Если не счи-

тать барина, Дементий Евсеич – самый наиважнейший в округе хозяин, у него добра немерено. Что бы еще желать деревенской девке? Мала, конечно, но зато не перестарка, дразниться никто не станет. А ее, Наташку, всяк хулит и насмешничает, мол, старой девой помрешь, таракашка Назаровская. А что в ответ молвить? Мелка уж она больно: от горшка два вершка.

Наша Даша маленька,
Чуть побольше валенка,
В валенки обуется,
Как пузырь надуется, – донеслось из соседнего огорода.

То Варвара Найденова тискала свою полугодовалую дочку. Мужик у Варьки работающий, да и ребятинок дюже смирный. Вот и у нее счастье.

– Чо нос повесила? – вышел из избы хромоногий Филимон, – Аграфена велела до вечера управиться.

Наталья обреченно окинула тяжелым взглядом бесконечный назаровский огород.

Ох уж эта Грунька, которую внезапно выискал батюшка сразу же после смерти матушки! Доколе черная ворона будет издеваться над беспрекословной падчерицей? Кто дергает сорняки под самую осень? Только она, Наталья, убогая и горемычная.

Филимон гневался. Он слепо ненавидел мачеху и в то же время не мог оторвать глаз от ее высокого, справно сложенного, стана, от быстрых черных очей, от малой, но ладной груди. Бают люди, был у нее раньше полюбовник горожанский, был да сплыл, навроде утонул в болоте ведьмином, Но еще сказывают, что видели его ночью в лесу за рекой Сорокой, ходил он будто бы вдоль крутого берега и к черной воде присматривался. Наверное, кладбище искал утопленник, да далеко могильник деревенский находится.

Дык в последнее времечко мачеха совсем люта стала. Взбесилась, как соседский пес найденовский. Никого к себе близко не подпускает, даже батяню прочь гонит. А на него, Фильку, и глянуть не хочет, словно он и с мужиком не сродственен. Эх, судьба-судьбинушка Филимонова! Да и что на судьбу гневаться, коли права нога у него хромая. Калека он, прости господи.

– Эй, Филька, – басовито крикнула с крыльца Аграфена – Подь сюда, пора курей кормить.

Тяжко вздохнув и исподволь бросив последний взгляд на вздрогнувшую Наталью, Филька потешно попрыгал к новоявленной хозяйке дома.

Глава 2 Улюшка

С конца сентября резко занепогодилось. Огороды и гумна сельчан осиротели, низкие, свинцовые тучи дружно бросились бороздить угрюмое и без того осеннее небо, ветер по-разбойничьи налетел на враз задрожавшие от неожиданности деревенские избенки, стараясь разнести в клочья немудреные крестьянские хозяйства. Время от времени по утрам выглядывало несмелое солнышко, но после обеда оно неизменно пряталось за рекой Сорокой, чтобы исчезнуть за нею на день-другой.

Как-то незаметно пришел Покров. Колкая снежная крупка заботливо припорошила промерзшие насквозь поля и луга, отбелила жадно чавкающие, прежде осклизлые, дороги, сорвала одиноко трепещущие листочки на бесстыдно оголенных деревьях. На следующее воскресенье намечалось большое событие в жизни сорокинцев, и этим событием являлась свадьба первого на селе парня Трифона Дементьевича Макарова со скромной сироткой-середнячкой Ульяной Васильевной Назаровой.

Огромный двухэтажный, на надежном каменном фундаменте, недавно отстроенный приезжими городскими рабочими особняк Макаровых дворцом царским высился среди небольших закопченных деревенских избушек. Сколько горниц вместило в себя сие агромаднейшее сооружение, простой народец не ведал. Болтали любопытные сорокинские бабы, что недавно приезжали в гости к тысячнику самые настоящие благородные господа в закрытых золоченых каретах, пили-ели они за высоким забором попросту да еще и ночевать остались. Да мало ли кто что говаривал!

В честь венчания единственного сына созвал Дементий Евсеич в тот диковинный домино и народец местный, разве мог опозориться пред сельчанами главнейший в округе хозяин. Зрители из деревенских занимали большую часть хором у двери, а за княжеским столом, прикрытым накрахмаленными белоснежными скатертями, гордо восседали посаженные отцы и матери, родители жениха и невесты и другие почетные лица. Перед ними ярко горели салые свечи, стояли несметные яства и знаменитая в народе водочка, кою умело изготовлял удалой конопатый мужик из волжских казаков Емельян Якушин.

Гольтыба, не обделенная вниманием Макарова, часто метала самопальную за мятые воротники, а потом скабрзные шуточки взрывали гостей настолько, что подвыпившие бабенки и пьяные в стельку их буйные благоверные хватались за что придется и чуть ли не валились от оглушительного хохота друг на друга.

Почетные же лица, искоса наблюдая за беснованием холопов, не дотрагивались до изысканных блюд, а будто ждали чего-то нового, интересного, и это новое предстало пред ними в виде ослепительной юной девушки с белоснежной косой на груди. (И откуда, скажите на милость, берутся в этой глуши такие красавицы?)

Неприглядный малорослый парень с мокрым носом, важно выпятив тощую грудь, величаво вел сие чудо к толпе, жадно вбирающей в себя удивительные прелести молодежи.

Сколько времени пришлось новобрачной терпеть унижения от гостей, она не помнит, но всему когда-то приходит конец. Пришел конец и ее испытаниям. Отгремело омерзительное свадебное застолье, где невеста в ужасе закрывала глаза, когда бесконечное количество раз хмельные рты собутыльников, будто потешаясь над Улюшкой, кричали молодоженам «горько», и ей приходилось покорно подставлять немеющие от отвращения губы своему уже мужу.

— Пора и честь знать, — внезапно поднялась из-за стола неулыбчивая мать Трифона, и, с наслаждением прочувствовав мгновенно наступившую тишину, оглушительно провозгласила. — Приспело время молодым ступать почивать.

– Баиньки, – громко икнула какая-то подвыпившая баба, – строгать ребятишек дело приятное.

– Ты ей покажи, паря, где раки зимуют, – поддержал односельчанку кто-то из мужиков.

– Хватит! – стукнул кулаком по столу Дементий Евсеич. И Улюшка, в душе проклиная извечное повиновение детей родителям, низко пригибая тяжелую голову, чтобы окружающие не заметили ее негодования, спешно пошла навстречу своей гибели.

Большая кровать была разобрана, а в печи их уже совместной светелки прожорливо полизал огонь. Он с жадностью лизал еще недавно бывшие живыми деревья, с аппетитом обглаживал хрупкие древесные косточки. Так и ее, Улюшку, скоро превратят в безликую обожженную дощечку.

– Укладывайся, – пошатываясь на неверных ногах, велел новобрачной хмельной муж, – баил же, что моей будешь. Так и вылезло.

Стуча зубами от отвращения, Уля безропотно скинула с себя свадебный наряд, стащила подаренные Мотей фильдекосовые чулки и под тяжелым взглядом Тришки натянула на безупречное тело заботливо расшитую сестрицей Натальюшкой ночную рубаху.

Пузырящийся тягучей слюной рот постылого по-хозяйски обхватил ее дрожащие губы, чтобы засосать их в вязкую глубину, пропитанную водкой и чесноком.

«Все! – промелькнуло в голове страдальцы, – прощай навеки, вольная волюшка, посиделки вечерние с подружками милыми, жизнь непрехотливая и целомудренная».

Что-то мягкое и безвольное едва коснулось ее интимного места и внезапно замерло, пульсирующими толчками выдавливая из себя на оцепеневшие бедра омерзительно теплую комковатую жидкость.

«Что это? – ужаснулась девушка. – Вот срамота-то! Наверное, описался охальник ненавистный».

– Не скайся, дура, – раздраженно ткнул нареченную в бок любящий молодожен, – мотри, лапа чиловая у меня, выбью зубы- то, нечем лужгать семечки будет.

Уля притихла и в комочек сжалась. Не шутит окаянный, сделает, что обещал. Только отчего он гневается на невесту свою? Разве виновата она, что выпил Тришка за свадебным столом через край? Нахлебался водки и квасу, вот и помочился на нее.

– А ну тебя, – махнул прокуренной рукой на жену Трифон, – Дык вставать завтра раненько, смотреть простыню маманя с батяней будут. Чаво покажем-то?

– Простыню? – подивилась Уленька и вспомнила, как на Варькиной веселой свадьбе что-то красное вопящим от пьянки гостям казали. Тогда еще подумала девушка, что вишневое варенье это али свекла намазаны. Только почему муж серчает? Вот и к стене отвернулся и захрапел даже. Видимо, пожалел ее, сиротинку, Господь всемилостивый, отшатнул от нее рожу вонючую.

– Мой миленок, как теленок,
Только веники вязать,
Проводил меня до дому,
Не сумел поцеловать.

За окошком послышался зычный голос сестры Матренушки.

– Везучая, – подумала Улюшка и, свернувшись в тугой калачик, горько заплакала. Долго ли продолжала рыдать несчастная подле ненавистного кобеля, она и не знает, только все же сморил ее сон плутоватый. И во сне она видела милую родительницу, Анну Петровну почившую. Или грозного свекра? Что он говорит ей?

– Вставай, краля, – положил горячую ладонь на вздрагивающее от рыданий худенькое плечико невестки Дементий Евсеич, – завсегда ведал, что сыночек мой единородный настоящим мужиком не является. Только какую байку мы гостям поведаем?

«Жалеет, – с удивлением подумала новобрачная. – А что за байка-то?»

– Соболезную я тебе, лапушка, – окидывая презрительным взглядом пытающегося поднять голову наследника, понизил голос Дементий Евсеич, – Подь за мной, любезная, и будет им простыня красная.

– Что вы говорите, батюшка? – не уразумела тысячника Ульяна, – куда мне идти, к матушке что ли?

– Эк непонятлива, чугушка, – досадливо крикнул старший Макаров. – Почивает Фекла Устиновна, десятый сон уже видит да и неча знать ей о взаимоотношениях наших. Уразумела, ясынька?

«О каких взаимоотношениях?» – озадачилась Уленька, но приученная быть во всем послушной старшим по возрасту, встала и, натянув на внезапно озябшее тело сарафан, покрывшись шалью, покорно поплелась за хозяином каменной, почти господской, обители.

Дом спал и причудливо храпел на разные голоса, хотя где-то по-прежнему навязчиво играла гармошка и слышался похотливый бабий визг.

– Подь сюда, – неожиданно прохрипел грозный тысячник и обнял Ульяну так, что у той косточки затрещали. – Давно на тебя люблюсь, душенька. Нет краше тебя в Сорочкине. И в Михайловске тоже нету. Обряжу тебя в парчу и кружева, озолочу, икрой и шоколадными конфетами кормить буду. Не отталкивай меня, девка, так как отныне заступником и опорой буду сиротке горемычной.

– Что вы, что вы? – отшатываясь от того, кто по деревенским законам должен стать ей вторым батюшкой, забормотала бедная девушка. – Пресвятая Богородица, грех-то, грех-то какой!

– Не вырывайся, – в исступлении начал целовать невестушку Дементий Евсеич, – а простыню-то пытливым гостям как являть будешь? – между поцелуями горячо шептал он. – Осрамиться хочешь, лапушка? Осрамиться и род Назаровых осрамить?

– Осрамиться? Как осрамиться? – упираясь локотками в грудь свекра, громко вскричала Улюшка и снова вспомнила развеселую свадьбу найденовскую. Свекла ли то была на этой простыне?

Кто-то кашлянул. Кто-то что-то протяжно проговорил. Или ругнулся? Ночь развиднялась. На первом этаже дома послышался грохот падающего предмета, наверное, стула, видимо, прислуга встала чуть свет, чтобы накрыть стол для полсотни гостей, до сухоты в глотках жаждущих увидеть этот испачканный проклятуший кусок горожанской льняной ткани, вышитой по краям полевыми цветочками. Раздался протяжный скрип открываемой двери, и сонная Фекла Устиновна, прикрывая зевающий рот пухлою, в изобилии унизированной сверкающими перстнями, пятерней, появилась в ее проеме.

– Чаво вы тута делате? – сморщенными губами прошамкала свекровка.

– Токо нехорошо бабе стало, – не смутился находчивый папаня Тришки. – А я как раз мимо проходил, стало быть, содействие оказал болезной.

– Содействие? – окидывая стремительным подозрительным взглядом растрепанные волосы растерявшейся девушки, высокомерно изрекла хозяйка дома – Поди к мужу, любезная, он тебя исцелит.

Возблагодарив Бога за подмогу, Уленька шустро отвернулась от пылающих адским огнем очей свекра и, провожаемая колким взглядом обманутой пожилой женщины, побежала к непонятному ей сопливному Тришке.

Не дождалась Уля утра, задремала, а оно подоспело нежданно-негаданно: дверь внезапно резко распахнулась, чтобы впустить в светелку к еще почивающим молодоженам стайку улыбчивых мужиков и баб.

– Девка не порчена! – выдернула из-под новобрачных смятую простыню, щедро вымазанную чем-то пунцовым, сестра Матрена и ликующе обвела победным взглядом притихших односельчан. – У Назаровых отроду в роду брака не было!

Уля вздрогнула и с недоумением посмотрела на мужа. Тришка сопел и исступленно тряс непутевой башкой. Фекла Устиновна, вскинув к вискам невидимые брови, застыла в тупом молчании. Дементий Евсеич довольно улыбался. Заглянув в его хитроватое лицо, Уля устыдилась и опустила глаза к сильным, покрытым черными волосками, дланям свекра. Большой палец на правой руке хозяина дома был перевязан какой-то желтоватой, пропитанной кровью, тряпицей.

Глава 3 Чужая

Прошли окаянные праздники. По вечерам, а ложились домашние неизменно рано, Тришка лез к дрожащей от отвращения жене, облизывал ее сладкий пухлый рот, а затем похозяйски задира л подол ее расшитой разноцветными мулине ночной рубашки, мочил интимное место сопливой комковатой жидкостью и мгновенно засыпал. Крепко стиснув зубы, Уля умышленно будила в себе воспоминания о злобной Аграфене Платоновне и, до боли кусая губы, терпела.

Дементий Евсеич больше не подходил, а только издали исподволь наблюдал за испуганной вечно молодухой и похотливо облизывался. Фекла Устиновна зыркала выцветшими глазами на мужа и сноху и, смежив несуществующие брови, хранила длительное страшающее молчание.

«Это и есть бабья жизнь, к которой так стремятся беспечные безголовые подружки, – шарахаясь от лютого колющего взгляда свекрови, думала бедная девушка, – недаром говорят: баба кается, а девка замуж собирается».

Матрена укатила с Григорием в город, а Натальюшка, несколько раз побывав в гостях у своей младшей сестрицы, исчезла с поля ее зрения. Филимон и вовсе не показывался.

По-прежнему пекла Улюшка пышные ароматные караваи, по-прежнему взбивала пуховые подушки и убирала постели, хотя в доме мужа находилась прислуга, призванная самой судьбой делать эти кропотливые немудреные дела. Прасковья Прохорова, рябая и толстая служанка, подоткнув цветастую юбку чуть ли не за пояс и обнажив жирные ляжки, усердно мыла крашенные доски и, роняя от натуги крупные капли пота, обтирала настоящую горожанскую мебель. Готовила еду старенькая, но еще крепкая Пульхерия Матвеевна Сидорова. Кряжистый, средних лет, Еремей Кузьмин колот дрова и подсоблял обеим бабам по хозяйству. А еще у Дементия Евсеича была куча мала батраков, которые теперича отдыхали по домам в связи с окончанием полевых работ.

Днем Тришка, как неприкаянный, шатался по немалому отцовскому дому и, лузгая любимые семечки, не обращал на молодую жену своего мужицкого внимания. Улюшка робела под его иногда брошенным властным взглядом и неизменно вспоминала недавно умершую матушку.

Но однажды, сытно отобедав, вознамерилась поехать Фекла Устиновна в гости к сестре, проживающей в соседнем селе Савельеве. Недовольно крякнув, Дементий Евсеич велел запрячь лошадей и к великой радости Уленьки уселся на подводу рядом с супружницей.

«Наконец, – подумала девушка и впервые за целый месяц, проведенный в мужнином логове, испытала радость, которая несмелой крохотной птичкой запорхнула в ее будто заколоченную от обреченности грудь, – наконец-то я смогу сбежать в дом отчий и проведать милую Натальюшку. Да и с Филькой немного побалакать».

К Уленькиному счастью Тришка почивал. С некоторых пор он любил соснуть после плотного обеда, оставив благоверную наедине с родителями.

Набросив на плечи шубку, подаренную на свадьбу свекром, Ульяна заторопилась домой.

На дворе смеркалось. Свинцовое небо угрожающе висело над незащитной полусонной деревушкой, сияясь упасть на нее и похоронить под толстым слоем тяжелого снежного покрова. Зябко поежившись, Уля быстро побежала к родной избушке, из трубы которой шел неспешный сизый дымок.

– Кого я вижу? – засмеялся кто-то за ее спиной. – Краля-то, краля какая из царского гнезда вылетела.

Круто обернувшись, девушка увидела рядом с собой могучего голубоглазого Тихона. Это он когда-то прижимал ее к трепещущей лесной осинке, чтобы зацеловать до смерти ее не целованные прежде губы.

– Чего надо? – нахмурилась Уленька и неожиданно для себя подумала, что лучше бы уж Тишка лежал подле нее на кровати да лобызал бы ее белые ноженьки.

– Любишь своего слюнявого? – продолжал наступать на мужнюю жену бравый парень. – За большие капиталы купил он себе красну девицу. Эх, кабы эти капиталы у меня были! Пошла бы за меня, зазнобушка?

«Пошла бы, – подумала несчастная и с гадливостью вспомнила желтые, гнилые зубы молодожена. – Надобно было не повиноваться бесхарактерному батюшке, а настоять в кои века на своем».

– Вижу, гадок тебе супружник твой хилый, – пружинистой поступью подошел к Уле Тихон Баранов. – Бросай его к чертовой матери да рванем в город, Улюшка! Устроюсь я слесарем на чугунолитейный завод к Коновалову, не даром в Курской губернии у самого Рахманова год назад обучался. Комнатушку в бараке дадут, а там нам и Бог на помощь придет. Знаешь, что царька Николашку давно скинули? А буржуйское-то правительство недолго протянет. Так что свобода скоро рабочим и крестьянам выйдет.

– Свобода? – вскинула удивленные глаза девушка. – Какая свобода может быть у простой девки али бабы какой? Мужик завсегда хозяин над нею.

– Ты будешь моей хозяйской, – жарко зашептал юноша, стараясь ухватить Улю за руку. – Убегем из Сорокина, любая, встретимся завтра за околицей, когда темна ночь опустится.

«А может, и убежать? – внезапно подумала красавица. – Не лицедрать больше масляных взглядов свекра, не чувствовать ненавистных ласк постылого».

– Сестрица милая, – неожиданно выглянула из родных ворот Натальюшка. – Каким ветром тебя занесло к нам?

Померещилось, что ли, Ульяне: испуганно отшатнулся от нее Тихон, отшатнулся да, опустив голову, восвояси побрел.

Проводив изумленными взглядами отдаляющегося от них парня, крепко обнялись девушки да в дом зашли.

Возле большой русской печи сидел Василий Иванович и, слюнявя заскорузлый от черной работы палец, перелистывал потрепанную желтую газетенку.

– Страхнули Керенского, – не обращая внимания на замужнюю дочушку, озабоченно изрек старший Назаров. – Чаво теперь будет...

Уля от обиды вздрогнула, но виду не подала.

– Как поживаете, батюшка? – склонилась к его натруженной руке младшенькая. – Как здоровье ваше, не хвораете?

– А чаво ему станет? – выросла как из-под земли Аграфена Платоновна. – Грят, порчена ты оказалась, девка.

Уля вздрогнула, да виду не подала.

– Кто рассказывает-то? – заступилась за гостью застенчивая обычно Наталья. – Тот, кто завидует моей красавице?

– Да Колька Саврасов давеча сказывал, – зыркнула на падчерицу черными глазами мачеха. – Филька, подь сюда!

Из маленькой, плотно занавешенной фиолетовыми цветастыми шторками, спальни вышел заспанный, с синяком на правой скуле, Филимон.

– Не суди зря, братушка, – покачала головой средняя дочь назаровская. – Мало ли что люди болтают.

– Дык чо я, – поскреб во взъерошенной макушке наследник дома. – Вмазал я дурню в ухо, да одолел он меня, убогого.

«Отчего ненавидит меня Саврасов, – поежилась от слов братца Ульяна. – не обидела я его ничем, разве что в любви отказала? Да Бог судья ему, непутевому».

– Хватит балакать попусту, – рассердился на взрослых детей Василий Иванович. – Слышите, Керенского скинули! Большевики во главе с Лениным власть захватили!

– А мне-то чаво? – уперла руки в боки Аграфена Платоновна. – Луна высоко, а Питирбур далеко.

– Не так уж и далеко, – не согласился с женой озабоченный непорядком Назаров и тотчас подумал о ссыльном Алешке, женином бывшем любовнике. – Руки у любой власти страсть как долги, до любого дотянутся.

– Не обращай внимания, – обняла гостью покрасневшая от негодования Натальюшка. – Любит Колька тебя, вот от ревности и мелет напраслину.

– А разве бывает такая любовь? – косясь на грозную мачеху, подивилась Улюшка. – Да и вообще, есть ли она, эта любовь, на белом свете?

«А то нет, – вздохнула средняя сестра и вспомнила Тишу Баранова. – Вот была бы она, Наталья Назарова, высокая и ладная, такая же, как Ульяна, да не дал ей, горемычной, Господь красоты подобной».

– Вчерась зрели на селе мужика диковинного, – встрял в разговор хромоногий Филька. – Грят, бродил по деревне и в окна заглядывал. Да таковская власть у проклятущего была над собаками, что те и лаять, смотря на него, не могли.

– А ты слушай вралей! – прикрикнул на сына Василий Иванович. – Те набрешут тебе в три короба и взамен еще копеечку попросят!

«Отчего так встрепелась Аграфена Платоновна? – подивилась на побледневшую мачеху Уленька. – Не иначе как заболела она. Знамо, непроста работа крестьянская. Ох, непроста!»!

Что-то непонятное тихо заскреблось в чисто выбеленную стену избушки, и расплывчатая тень мелькнула за маленьким подслеповатым окошком. Уля лицезрела ее так же ясно, как видела она свою единственную семью. Вздрогнула сестра Натальюшка, резво попрыгал в ледяные сени Филимон, проковылял он во двор да назад ни с чем вернулся.

– Чегой-то избу студишь? – заворчал старший Назаров и, погладив заостренными пальцами зачитанную газетенку, поднялся со своего теплого насиженного места. – Чегой-то ты, мужняя баба, по ночам шастаешь? Али мужик совсем слабовольный достался?

– Поздней осенью и днем сумерки. Может, чаю? – стараясь разрядить напряженную обстановку, несмело пискнула Наталья. – Негоже дочку из родимого дома гнать!

– Цыц! – стукнул по столу кулаком Василий Иванович. – Не забывай с кем болтаешь, паскуда!

«Ох, не был батюшка таким злым», – ахнула Уля и, с силой сбрасывая с себя клейкий взгляд взбодрившейся от их перебранки мачехи, вынырнула из горячо натопленной избы.

Глубоко вдохнув свежего воздуха, Ульяна снова заметила неясную тень подле редкого забора, которая, будто испугавшись ее, нырнула в черную воду глубокого, таинственно поблескивающего колодца. Передернувшись, девушка поспешила в угрюмый неуютный дом семейства Макаровых.

В каменных палатах было оглушающе тихо. Осторожно скинув с себя шубейку, Уленька на цыпочках поднялась на второй этаж, туда, где находился ее немилый до спазмов в животе муж.

Тришка восседал на неразобранной кровати и отчаянно старался вспомнить, чем еще минуту назад была занята его непутевая головушка. Заспанные, цвета серого осеннего неба, крохотные глазенки младшего Макарова были хмельны, они силились осмыслить происходящее, но не могли постичь даже самого очевидного.

– Кто ты? – икнув, спросила эта беспутная головенка и полила из своих недр крупные немужицкие слезы.

Что-то жалостное шевельнулось в нарывающей от отчаяния груди девушки и попыталось вырваться наружу, к тому, которого она так ненавидела.

– Кто ты? – проводя ладонью перед собственным носом, повторил вопрос Макаров и попытался привстать с постели, чтобы потрогать неведомую ему женщину, насквозь пропахшую легким ноябрьским морозцем.

– Что с тобой, Триша? – впервые позвала его по имени Улюшка. – Неужто не узнаешь меня, жену свою?

– Ах ты, подлюка! – поднимаясь на тощие волосатые ноги, внезапно взорвался грозный муж. – Исушила ты меня, злыдня, отняла у меня силу мужицку! Где пропадала, колдунья назаровская?

– Погода хорошая, в саду гуляла, – поперхнулась слюной девушка. – Да к батюшке на минутку зашла. Пойдем во двор, Триша, посидим малость на лавочке! Как прежде, помнишь?

– Стерва! С Барановым якшалась! – взъерепенилась душонка Тришкина и, минуту помешкав, приказала ничтожному туловищу поднять на новоиспеченную вторую половину жалкий костлявый кулачок.

Уля съезжилась, но убежать не стала. Да и некуда бежать сиротинке было. Разве только на могилку к родимой матушке. Умчаться бы на старое деревенское кладбище да там и остаться. Только не расступится мать сыра земля перед не своевременно прибывшей, не даст ей приюта, не приголубит, не укроет ее. Остается Ведьмино болото. Оно терпеливо ждет всех, кто решил распрощаться с жизнью.

Мужицкий кулак как-то внезапно обрушился на макушку ошеломленной девушки, и несчастная, осев на добротнo положенные крашенные половицы, заслонила перекошенное от боли лицо острыми полудетскими локотками, что вызвало бешеную ярость почувствовавшего неограниченную власть мужчины.

Удар за ударом градом сыпались на лишившуюся сознания Улюшку, превращая ее прекрасное невинное тело в кусок безобразного кровавого месива.

– Что ты делаешь, паскуда? – словно вихрь, ворвался в горницу запыхавшийся Дементий Евсеич. – Убью гаденыша!

Мощными ручищами скрутил лишившегося рассудка наследника старший Макаров и насильно уложил его на укрытую пышной периной железную, с причудливыми завитками, кровать. А потом поднял с пола беспмятную невестушку и понес ее, бесчувственную, в свою опочивальню.

Глава 4 Побег

Дни безропотно перерождались в бесконечно долгие ночи, ночи – в неизменно тусклые, бессолнечные дни. Некто неотчетливый заботливо поил Уленьку пенистым, ударяющим в нос, квасом, некто расплывчатый заставлял ее съесть ложку-другую кислых наваристых щей, но непреклонное Улино сердце не желало возвращаться к опостылевшей донельзя действительности

Прошла, наверное, вечность. Неожиданно для сельчан, уже покорно притерпевшихся к беспросветности безрадостных однообразных будней, выглянуло слепящее глаза солнышко. Оно неспешно окинуло удивленным взглядом унылое бытие крестьян и, смилостивившись над ними, решило подарить бесправным людям несколько часов подлинного счастья. И тут грянул мороз. Заскрипел снег под полозьями саней, весело заржали кони разных мастей, приветствуя пришедшую, наконец-то, зиму. И тогда Уля открыла глаза. Жить не хотелось.

– Неча валяться, – заметив пробуждение нелюбимой невестки, сдернула с нее стеганое одеяло Фекла Устиновна. – Довела моего сыночка до тяжелой немочи, проклятая. Вернула бы я тебя Василью, да токмо отец не велит. Заморочила стары мозги Дементию Евсеичу, колдунья назаровская.

Вздрогнув, Ульяна попыталась подняться, да только напрасно, не послушались ее ноги и голова закружилась.

– Маманя! – вошел в их светелку вечно пьяный муж Уленьки – Маманя, Улька померла, что ль?

С силой повернувшись на ненавистный сиплый голос, девушка в ужасе замерла.

– Жива змея подколотная, – покачала редковолосой головой свекровка, – чтой-то ей сдеемся!

– Отринь, карга старая! – вдруг оказался подле второй половины старший Макаров. – Не то по зубам получишь! А ты лежи, лежи, девонька, Парашка немедля тебе пирога капустного приволочет.

Сузив почти белые свои глаза, не обросшие до сих пор ресницами, отвернулась от снохи Фекла Устиновна, отвернулась да из светлицы вперевалку пошла. Опустив щуплые плечики, покорно поплелось за нею и ее единственное чадо.

– Не кручинься, зазнобушка, – рывком наклоняясь над девушкой, зашептал между тем Дементий Евсеич. – Брошу я старуху беззубую да на тебе женюсь. Родишь ты мне сыночка нормального, на меня похожего. Будет на кого свои капиталы оставить.

Его бородатое лицо ужасало горемычную, но она все яснее и отчетливее начинала понимать, что этот огромный и неповоротливый, схожий с медведем, мужик – единственный из всех живущих на белом свете, способный защитить ее от побоев душевнобольного мужа.

– Полюби меня, девица, – надрывался меж тем над ее ухом грозный свекор, и его толстые мясистые пальцы неумело гладили обмякшее от слабости тело сношеньки. – Не перечь мне, краса ненаглядная. Давно я тебя заприметил, да чтоб ты рядом со мною находилась, решил сдуру болвана Тришку на тебе женить. Прости мужицку страсть, люблюшка!

– Не надо! – в ужасе воскликнула Уленька, оттолкнулась от старика постылого и снова погрузилась в спасительное небытие.

Была ночь, когда Уля пришла в себя. Пошевелив онемевшими пальцами, девушка с тоской осознала, что до сих пор жива. С омерзением вспомнив о домогательствах Дементия Евсеича, она поднатужилась и встала. Неведомая сила подняла ее иссохшее безвольное тело и поставила его на ослабевшие от болезни ноги. Пошарив руками по тумбочке, несчастная нашла свечку и коробок спичек, а когда несмелый огонек осветил окружающее пространство,

Улюшка поняла, что находится в горнице совершенно одна. Мощный порыв ветра с силой прибил озябшую ветку старой корявой яблони к окошку ненавистного макаровского дома, и тогда раздался тихий стук в дверь. Уленька вздрогнула и прислушалась. Бесстрастное тиканье часов резко ударило в уши и оглушило ее настолько, что она, будто защищаясь, крепко стиснула веки. Прошла вечность. Холодная щекотливая струйка едкого пота давно не мытого тела извилистым ручейком пробежалась по ее оцепеневшей напряженной спине, скопилась на ложбинке между окаменевшими ягодицами и по ногам ринулась на полосатый домотканый половик. Стало зябко.

Неясный шорох неспешно прошелся по застывшей от ужаса светелке и остановился подле большой русской печи. Вспомнив о бабушкиных сказках про домовых, Уленька решила улыбнуться, но вместо дерзкой, разрушающей глупые деревенские суеверия усмешки, на свет божий родилась страшная, отчаянная гримаска.

«Надо непременно бежать, – затравленно оглядываясь по сторонам, внезапно решила девушка. – Только куда пойдет сиротинка бесприютная? К батюшке, который не пустит ее на порог?»

На полированном фабричном стуле как ни в чем не бывало мирно покоилась ее первая, вызывающая острую зависть подружек, кроличья шубка. Серые, расшитые замысловатыми узорами, валенки прикорнули к тяжелым полам подлинного господского одеяния. Будто кто-то специально приготовил их для отчаявшейся беглянки. Даже синее шерстяное платье лежало на краю кровати и настоящие городские чулки.

Лихорадочно одевшись и наскоро накинув на голову новую пуховую шаль, бесшумно вышла Уленька в гулкий пустой коридор. Дом мирно спал. Где-то в отдалении тоненько постанывала Пульхерия Матвеевна да басовито похрапывал Еремей Кузьмич.

Входная дубовая дверь недовольно скрипнула, нехотя выплевывая наружу то, что так стремилось выбраться из охраняемой ею территории. Ветер, истосковавшись по живым существам, бездумно почивающим в неволе бревенчатых и каменных тюрем, стремительно рванулся навстречу нечаянной товарке и, играючи, бросил ей в лицо пригоршню колкой снежной крупки. Зябко поежившись, Уля пошла. Куда? Она не знала. Зловеще темнеющий на горизонте лес манил ее в свои неизведанные глубины, чтобы адским магнитом притянуть к коварной реке Сороке, а там и к прожорливому Ведьминому болоту.

«Куда я иду? – с трудом переставляя будто пудовые валенки, с безразличием думала девушка. – И зачем я иду туда?»

Маленькая щупленькая фигурка, похожая на призрак, вдруг появилась подле самой опушки. Она кружилась в неизвестном танце, резко приседала и, подбрасывая вверх, к небу, неясные длинные тени, что-то надрывно выкрикивала.

– Привиделось, – обмирая на месте, прошептала Уля и медленно развернулась назад. Туда, в логово Тришки Макарова.

Словно удивившись намерениям нерешительной подружки, притихший было ветер метнулся к ней с новой силой и попробовал свалить долгожданную добычу в недавно наметенный, схожий с могильным холмом, сугроб.

Фигура неожиданно остановилась. Точно бесплотный дух, она неторопливо поплыла на Ульяну, чтобы утянуть ее, беззащитную, в потустороннее сатанинское царство. Время умерло, и бедняжка обреченно опустилась на окоченевшую землю, чтобы слиться с ней воедино.

Привидение неуклонно приближалось. И тогда несчастная покорно сомкнула запорошенные неугомонными снежинками вдруг резко потяжелевшие веки.

– Вставай! – приказало привидение хриплым женским голосом. – Вставай и пойдем со мной.

Уши не могли врать, по крайней мере, они никогда не лгали своей любимой хозяйке прежде, а потому, памятуя о том, что духи не простужаются, Ульяна робко открыла глаза. Вся в глубоких морщинах, пожилая женщина стояла перед непорочной женой жестокосердного безумца. В том, что борозды на лице незнакомки были настоящими человеческими морщинами, Уля не сомневалась. Только тлеющие угольки в глубоких глазных впадинах неизвестной не позволяли беглянке обрадоваться возникновению из ниоткуда неожиданного спасения.

– Ты слышала о Марфе-колдунье? – как можно мягче поинтересовалось неожиданное спасение и, приподняв чуть зримые брови, бесцеремонно воткнуло в девушку два черных острых клинка. – Ты наведишь одинокую даму?

Выбирать не приходилось, и Уля послушно встала на четвереньки. Подняться на ноги сил не было.

– Ешь, – повелела ведьма и протолкнула сквозь одеревеневшие губы девушки отчаянно горький корешок.

Сделав несколько жевательных движений, Уленька безропотно проглотила несъедобную мерзость, а затем с удивлением обнаружила, что может идти. Мощная энергия огненными струйками стремительно побежала по безжизненным жилам горемычной, понуждая обездвиженный прежде стан легко вспорхнуть со снега и смиренно подставить проказничающему ветру битое мужем лицо.

– Идем, – скомандовала диковинная старуха и, круто развернувшись, зашагала навстречу тьме и Ведьминому болоту.

В избушке удушливо пахло сухими травами, пучками подвешенными под самый потолок. Возле двери, ведущей в крохотные сенцы, колченогий табурет приткнулся к огромному котлу, в котором пузырилось и булькало что-то, судя по запаху, вполне съедобное.

– Что вы делали в лесу в такую темень? – превращаясь из сосульки в разомлевшего от тепла человека, робко поинтересовалась Уленька.

– Я же не справляюсь о том, что делала в лесу ты? – фыркнула на гостью Марфа и, скинув залатанный полушубок, опустилась на прикрытый медвежьей шкурой топчан. – Хотя... я ведаю почти все, что происходит или произойдет на белом свете.

– Расскажите, – почему-то вздрогнула Уленька и мгновенно осознала каждой клеточкой своего тела, что именно сейчас услышит что-то настолько страшное, что это страшное не даст ей прожить спокойно остаток ее только что начавшейся жизни.

– Антихрист шагает по земле, деточка, – неспешно закуривая треснутую глиняную трубку, проговорила бабуса. – Антихрист, совсем не похожий на черта, но нравом суровый и беспощадный. Бойся его и его войска, девочка, ибо то, что будет тебе дорого, отнимет он у тебя.

– Мне уже ничего не дорого, – покачала головой Ульяна. – Разве только сестра Натальюшка да братец милый.

– Выздоровеет твой братец, – шмыгнула носом ведьма и слезу со щеки смахнула. – Да не будешь ты рада выздоровлению его.

Что-то темное прошмыгнуло в отдаленной части избушки. Передернувшись от испуга, Уля с силой протерла кулаками глаза и увидела большую черную птицу, надзирающую исподтишка за ней.

– Это мой ворон Кирк, – проследив ошеломленный взгляд девушки, устало пояснила старая женщина. – На днях он летал в Питер и принес пренеприятнейшие известия.

– Какие? – с интересом разглядывая высокомерную крючконосую персону, ахнула Уленька.

– Скоро узнаешь, – усмехнулась ведьма и по-молодому вскочив с места, стала спешно стелить Ульяне постель на старой, почерневшей от времени, скамье.

Утро пришло внезапно. Сладко потянувшись, Улюшка поняла, что находится в светлице не одна.

– Пей, – поднесла к ее рту кружку с травяным настоем Марфа-колдунья. – Пей да в город собирайся.

Уля послушно отхлебнула полный глоток крепкого навара и почувствовала новый прилив сил.

– Вот тебе деньжата, – чернокнижница ткнула в руки беглянке носовой платочек, завязанный в тугой узелок. – Бери и пользуйся.

– Почему вы мне помогаете? – изумилась Уленька, но платочек все же за пазуху спрятала. От греха подальше.

Никогда не видела молодая крестьянка настоящих городских денег. Пряники, леденцы и петушки на палочках – пожалуйста, а вот копеечками их, детей, строгие родители не баловали.

– Много будешь знать, – зыркнула быстрыми глазищами ведьма и к окну отвернулась, – скоро состаришься.

«Чудно, – нащупывая с неба свалившееся богатство, невольно подумала счастливица. – Чудно-то как. Неужели я убегу из родимой деревушки, будто воровка какая? Только выхода у меня нет, так как никуда от приказа спасительницы Марфы не денешься».

– Там лошадь, – кивнула за окошко старая женщина. – Кирк дорогу укажет, а потом и коня назад приведет. Доверься ему, красавица, доверься мне, милая. В Сорокине тебя ждет смерть. А теперь садись и поешь.

Краюха черного пахучего хлебушка легла на стол возле проголодавшейся за жуткую ночь беглянки, кувшин с молоком примостился подле ее правой руки.

– Козье молочко-то, козье, все болезни лечит, – кивая на неожиданное лакомство, по-матерински проворковала Марфа и торжественно положила перед Улюшкой солидный шматок сала с аппетитными мясными прожилками. – А это возьми с собой в дорогу, доченька. Пригодится.

Позавтракав и от души поблагодарив хлебосольную хозяйшку, Улюшка вышла во двор, чтобы продолжить свое нечаянное путешествие из родного, поди, потерянного навсегда родительского гнездышка.

Бревенчатая избушка, в которой проживала прославленная чернокнижница, снаружи казалась ветхой, хотя внутри жилье пленяло уютом и чистотой. Высокие, стройные сосны надежно защищали неприступную обитель колдуньи от нескромных посторонних взглядов, пропуская к домику лишь небольшую дорожку, позволяющую самодельным крохотным санцам проехать по ней в сторону села Сорокина и уездного городка Михайловска.

– Оденься, – заботливо заворачивая гостью в старый овечий тулуп, приказала взыскательная чародейка. – И учти, судьба твоя лежит в самом первом домике слева, укрытая стеганым одеялом и с повязкой на бритой голове. – А теперь прощай, драгоценная, прощай да назад не возвращайся.

Уля вздохнула и пристально вгляделась вдаль, туда, где заканчивалась шеренга остроко-
нечных вечнозеленых стражей, честных, благонадежных и неподкупных, как сама матушка-земля.

Глава 5 Уже вдова

Матрена сидела в купленном на барахолке настоящем городском кресле, экспроприированным товарищами пролетариями у проклятых буржуев, и с аппетитом поедала большое зеленое яблоко. То, что она теперь истинная горожанка, восхищало ее необычайно. Она с восторгом думала о своем замечательном муже, пока еще парикмахере, о квартире, которую они снимали у старушки-процентщицы, о бардовом с рюшечками платье, красовавшемся на ее дородном статном теле, о капиталистке Ульке, оставшейся со своей глупой красотой там, в грязном и необразованном Сорокине. Знала бы везучая соплячка, что она, Мотя, изучает сейчас заумные толстые книжки, даже «Капитал» товарища Маркса и труды красавца товарища Энгельса, похожего на театрального актера-любownika, что интересуется политикой, даже знакома с несколькими подлинными большевиками, которые давеча на площади размахивали красными флагами и оглушительно пели:

Вставай, проклятьем клейменный,
Весь мир голодных и рабов!

Она не считала себя голодной, но, тем не менее, она была истинной пролетаркой, не то что смазливая сестрица, которая так-таки ухитрилась подцепить единственного сыночка самого тысячника, то бишь, его наследника.

Прежде большой завод имперского значения закадычного дружочка Дементия Евсевича Макарова заносчивого миллионщика Коновалова постепенно разваливался на радость и усладу многочисленной босой братии. Недаром голодранцы усердно орали, подпевая ново-явленным коммунистам:

Весь мир насилия мы разрушим
До основания, а затем....

Разрушать – дело нехитрое, только вот кто новое царство строить будет? Спросили бы они об этом у всезнающей и все понимающей Матрены Васильевны Ивановой.

Хрустнув костяшками пальцев, любительница яблок встала и, потягиваясь, медленно подошла к окну, занавешенному яркой ситцевой шторкой с белыми кружевными оборочками.

Тетя Мотя, что вы трете
Между ног, когда идете?

– снова насмешливо прокричал задорный детский голосок там, по ту сторону пыльной, загаженной собаками и лошадьми, дороги.

«Оторвать бы язык этому шустрому кухаркиному выродку, – вздрогнула от обиды женщина, – только вот беда, стал Анфискин мужик Кузьма Егоркин настоящим комиссаром, поэтому придется лишь украдкой малолетнему паскуднику зубы показывать, иначе делов не оберешься».

– Мотюшка, рыбка, – пришел с работы Матренин красавец муж, – Мотюшка, что в городе-то творится! Кстати, Учредительное собрание состоит сейчас преимущественно из социалистов, так что....

«Так что пойду набью морду слюнявому сосунку тупой поварихи», – внезапно решила «рыбка» и, не слушая возбужденных речей обычно рассудительной второй половины, про-

ворно вылетела на опустевшую улицу, туда, где только что, сломя непутевую башку, носился сопливый обидчик в больших, не по размеру, подшитых валенках.

– Не желаешь меня выслушать, – обиделся на супругу показавшийся из двери Гриша и, озадаченно повертев головой по сторонам, потащил ненаглядную в черноту полупустых неотапливаемых сеней.

– Вот, намереваюсь сказать тебе, – жарко целуя жену в полную, пропахшую сдобой шею, зашептал ее страстный муж. – Хочу вступить в партию я.

– В какую? – задохнулась от напряжения Матрена.

– А это мы еще посмотрим, лапушка, – игриво зашекотал завитыми усами налитые груди зазнобушки Григорий. – Кто из них встанет у власти, к тому и подамся.

– Иди ко мне, – удивляясь проникательности любимого супруга, нежно позвала мужчину разомлевшая от ласки женщина и, чувствуя внезапный прилив крови где-то там, внизу живота, протяжно, будто утомленно, вздохнула.

Наталья пекла хлеба и думала свою горькую сиротскую думу. Вот горе-то какое, пропала милая Улюшка! А вчерась Аграфена заставила падчерицу ей ноги мыть, а сама ядовито так похихикивала и с торжеством поглядывала на остолбеневшего Филимона, вот, мол, вы у меня где. А тот, лупоглазый, не может на мачеху наглядеться. И как еще батюшка о его срамных чувствах досель не догадался! Доколе будет сиротинушка в прислугах у фурии отцовской? Выйти бы ей, девице, замуж, да только не сватает ее никто. Даже такой завалиющий мужичок, как Фома Еремин, на нее не зарится. И ведь после смерти жены осталась у него ребятня мал мала меньше: три сыночка да доченька младшая. Согласна Натальюшка поднимать чужих деток, лишь бы злющее Аграфенино лицо больше не видывать. А батюшка тоже буйствовать стал. Все ему ни так ни эдак, за все цепляется и обличить во всевозможных грехах их, своих родных чад, силится. Третьего дня Тиша Баранов заходил, взял у Василия Ивановича что-то из инструмента да, не глянув ни разу на Натальюшку, домой пошел. А у нее сердечко запрыгало, затрепетало, как бросила она взор на богатыря русского. Ах, какие у него глазища, что бездонные омуты сорокинские, сгинуть в них можно. Да и если говорить без утайки: утопнуть в них, должно быть, сладехонько.

– Эй ты, падла! – неслышно подошла к падчерице Аграфена Платоновна и в бок ребристым кулаком ткнула. – О чем думаешь, уродина проклятая? Жду не дождусь, когда ты с моих плеч слезешь. Да хоть бы убегла ты, как твоя Улька порчена. Выгнал ее мужик ейный из дому! Уж как Фекла Устиновна-то радуется!

– Дык не убегла она, – конфузясь под испепеляющим взглядом мачехи, вступился за младшенькую сестрицу Филимон, – просто вышла, поди, гульнуть да в лесу заплуталась. Молода исчо!

– Ой, дурень ты, Филька, – засмеялась речам косноязычного пасынка Грунька. Засмеялась, а сама кокетливо черные колдовские глаза на него скосила. – Где это видано, чтобы мужняя баба по ночам в болотах шлялась!

«В болотах? – вздрогнула Наталья и тотчас вспомнила вчерашнюю тень ужасную. – Не тот ли призрак Уленьку в топи утащил?»

– Собрал Дементий Евсеич народец, – продолжала скалиться Аграфена. – Будут искать беглянку, авось труп ее из трясины выловят.

– Авось выловят, – подтвердил предположения женушки появившийся из ниоткуда пасмурный Василий Иванович, рухнул на самодельный табурет и налил себе в стопку картофельного самогона.

«Не может того быть», – хватаясь руками за разверзшуюся от горя грудь, отрешенно подумала Наталья и последнее, что она увидела, были удивленные глаза Тиши Баранова.

Новость о пропаже Ульяны Макаровой облетела, казалось, всю округу. Дементий Евсеич набрал отряд человек в тридцать, и бродили злые мужики по застывшим болотам сорокинским, искали они бабу сгинувшую, даже в избушку к Марфе-колдунье наведались. Пожала сухонькими плечиками чернокнижница, поплевалась в платочек да молча в дом ушла.

– Пропади пропадом эта нехристь, – прорычал чуть слышно Еремей Красулин, да громко эти слова сказать побоялся. Кто знает, что с ним ведьма сделать может.

– Вчерась зрел я странну тень во дворе, – оповестил компанию Фома Еремин. – Навроде как Алексея Антонова привидение. Знамо, уворовал он Ульяну в свои загробные хоромы. Уж больно баба пригожа была.

– Пригожа, да порчена, – шепнул Фоме на ухо Илюха Безухий. Отморозил он как-то ухо на Крещение, вот и прозвище за то получил.

– Цыц! – рыкнул на мужиков сам Дементий Евсеич. – Кто таку чушь тебе сказывал?

– Да простыня у девки была толком не вымазана, – развел покрасневшими, в цыпках, руками Еремей Красулин. – Будто чиркнули по ней перстом порезанным.

– А ты эту тряпку лицезрел? – нахмурился тысячник, да так нахмурился, что у батраков мороз по коже пошел. – Еще раз от кого услышу плохое про Ульку, в реке утоплю!

Фекла Устиновна молилась Господу, прислонив веснушчатые короткопалые руки к запавшей груди, она с усердием клала низкие поклоны и шептала про себя долгие, трудно-доступные слуху молитвы. Не позволил Иисус согрешить ей, горемычной, во имя семьи ее. Не дал разойтись с мужем ненаглядным, отомстил за Тришку болезного. Пропала Улька, сгинула, так ей и надо, змее подколодной! Сколько она, Феклушка, мечтала о том, что принесет ей сноха внучика. Будет возиться с ним бабушка да в покое сладком нежиться.

Ох, как подивилась Устиновна выбору сыночка единственного, екнуло ее сердечушко, екнуло, да сразу будто бы перевернулось. Нет бы сосватал Дементий каку-нибудь девку работящу, кровь с молоком, таку, как Маруська Баранова, да втюрился Тришка в назаровскую меньшую, а за той, хворой и тощей, все мужики в селе увивались. С усладой избавилась от хилой падчерицы Аграфена Петровна да на шею Макаровых ее посадила. Дык знала же, знала бедная свекровушка, что глазастая Ульяна ее любовного мужа рассудка лишит. Даже к Марфе-колдунье Устиновна тайком ходила. Зыркнула на нее тогда ведьма сорокинская да из избы охально выставила. Не буду, мол, красу Улькину губить. Тогда поехала в Михайловск Фекла Устиновна, там, в аптеке у старого немца, мышьяку, не торгуясь, купила, от крыс и мышей якобы. Подсыпала она яду в питье постылой снохе, да та, видимо, что-то учуяла, а потому неожиданно-негаданно исчезла из их хором, на селе ее не видать. Значит, услышал Господь молитвы несчастной бабы, внял ее жарким мольбам да схоронил проклятушую в болоте Ведьмином.

Тришка сидел за столом и, утираясь рукавом белой самотканой рубахи, пил самогон стаканами, занюхивая его хрустящим соленым огурчиком, знамо, так ловко удавались они любящей маменьке. Но лукавое зелье никак не желало потопить в себе его грусть-печаль. Ушла Улька от него, бросила мужа свою безропотного. Мало того, что он спуску ей во всем давал, жалел ее, дуру холодную и неотзывчивую, только не оценила она парня набогатеишего, в селе первейшего, все на жеребца-батяню пялилась. Да и он, старший Макаров, от снохи без ума стал. Даже маманю бедную захотел ради паскуды бросить.

Жалел ли Тришка пропавшую молодую жену свою, он и сам не ведал. Вспоминал он время от времени белое нежное тело Ульяны, которым так и не смог обладать да очи ее синие-синие, будто предгрозовое небо над редкими крестьянскими наделами.

Боялся он ее глаз, ой как боялся! Но и оторваться от них не мог. Будто околдовала его девка белобрысая. Видимо, только ведьмы бывают такими пригожими. Только ведьмы.

– Трифон, – внезапно ввалился с горницу сумрачный Дементий Евсеич. – Трифон, не нашли мы бабы твоей. Пропала сношенька наша, пропала болезная. Чтой-то делать теперича будем?

Отчего у батяни трясутся тяжелые, завсегда крепкие и уверенные руки? Отчего катятся по небритым щекам подозрительные воззрению крупные капли? Ах, это хмель наконец-то подействовал на Тришкину буйну голову, на члены его онемевшие. Наконец-то. Теперь не будет Улька смущать израненную душу венчанного мужа своо. Отстанет от Трифона, даст долгожданного спокойствию ему. И родительнице, которую так шибко извела.

– Тришенька, – больно резанул парня взволнованный голос маменькин. – Тришенька, окстись, мой любезный сын, окстись, не помирай, открой свои ясны глазыньки. Ах, она стерва назаровская, увела у меня чадо родимое, увела за собой, не жалеючи!

Что-то черное, крадучись, приблизилось к Трифону, что-то черное положило ледяную ладонь на вздрогнувшую от внезапности грудь. Вгляделся он повнимательнее в привидение да захолонулось сердце его, упало куда-то вниз, а потом подскочило и вывернулось наружу, в руки тому, кто находился перед ним, помирающим. И тогда засмеялся страшным смехом призрак, сжал в железных пальцах трепыхающийся кусочек плоти да выдавил из него последние крохи жизни.

Глава 6. Нареченный

Ветки обезумевших от ярости деревьев будто в отчаянии колотили по саням, в которых сидела промерзшая насквозь Уленька. Черный ворон летел перед самой мордой неповоротливой гнедой кобылы и изредка затравленно каркал. Многометровые сосны медленно расступались перед его проворным маленьким тельцем и неохотно пропускали беглянку туда, в неизвестность, где на самом краю города ждала девицу ее злая судьба.

Прошла вечность, прежде чем неяркие звездочки несмело прокололи хмурое ноябрьское небо. Призрачными тенями показались первые городские строения и похожи были они на кособокие сорокинские крестьянские избы. Темнота незримым одеялом окутывала эти городские строения, мешая разглядеть их, чтобы не упустить предсказанную Марфой-колдуньей горькую долю.

В одной из приземистых избушек теплился крохотный робкий огонек, и тогда девушка поняла, что именно там лежит тот, которого всемогущий Господь определил ей в супруги вечные. Спрыгнув на скрипучий снежок, замирая сердцем, зашла Уля во дворик небольшого подслеповатого домика и, помедлив немного, открыла крепкую незапертую дверь.

Резкий мужской стон потряс Ульяну настолько, что она, промерзшая насквозь и проголодавшаяся за долгую дорогу, чуть не потеряла сознание. Тем не менее, беглянка взяла себя в руки и памятуя о том, что там, в полутьме чужой горницы, лежит ее судьба, несмело вошла в нее и приостановилась возле большой русской, по вероятности, еще утром растопленной печи. Пучок свечей лежал на приткнувшемся к стене столике, а рядом с ними примостился нетронутый коробок спичек. Дрожащими пальцами Уля зажгла свечечку и поставила ее на табурет, к изголовью старой железной кровати, на которой покоился молодой парень с красным, будто обожженным, лицом. Парень пошевелился и повернул обритую наголо голову к той, которая посмела побеспокоить его хмельное жуткое одиночество. Уля шарахнулась в сторону от этого дикого бессмысленного взгляда и позвала на помощь милосердного ангела-хранителя.

– Что с тобой? – к своему удивлению не ощущая запаха самогона, дрожащими губами произнесла девушка и не получив ответа, с разочарованием осознала, что юноша ничего не соображает.

Жаркий лоб незнакомца обжег пальцы, и Уленька поняла, что хозяин дома тяжело болен. Возле порога ровными рядами лежали наколотые дрова, которые незваная гостя с удовольствием подбросила в остывшую уже печь, и когда они вспыхнули веселым пламенем, она с облегчением осела возле импровизированного костра, чтобы вытянуть перед ним окоченевшие после обременительного путешествия ноги.

Стон повторился. Невольно вздрогнув, Уленька тяжело встала и вновь подошла к постели несчастного.

«Хочет пить, – решила беглянка, метнулась к крохотной, отгороженной печью, кухоньке и нашла там ведро с водой. Положив на пустой стол вынутый из-за пазухи шмат подаренного ведьмой сала, Уля набрала полную кружку животворящей влаги, а затем несмело приблизилась к железной кровати.

Больной спал. Намочив висевшее на крюке несвежее полотенце, девушка вытерла пылающее лицо юноши и смочила водой его сухие, горячие губы. Неожиданный облегченный вздох вырвался изо рта хозяина дома, и он на мгновение открыл глаза.

«Как у кролика», – подумала Уленька и присела рядом с беспмятным незнакомцем, чтобы забыться тяжелым, без сновидений, сном.

Утро пришло неожиданно. Очнувшись, Уля зябко поежилась и тотчас вспомнила все, что произошло с нею накануне. Больной тихо постанывал и напоминал собою отцовскую кумачовую рубаху, второпях брошенную на кровать.

«Хочет пить», – решила незваная гостья и щедро намочила губы парня свежей, чистой колодезной водой.

– Кто ты? – поинтересовался нежный голосок, раздавшийся возле входной двери.

Вздвогнув, Уля резко развернулась и увидела тоненькую черноволосую особу в кокетливом овечьем тулупчике.

– Меня звать Ульяной, – проводя пальцами по своевольно выбившимся из-под ситцевого платочка волосам, растерянно улыбнулась беглянка и сразу почувствовала, как едкая волна кожного зуда пронеслась по ее давно не мытой голове. – Я ехала мимо и решила попроситься на ночлег, но, как видишь, оказалось, что я еще кому-то нужна.

– Неважное ты выбрала место, – осуждающе вздохнула пришедшая и, мелко ступая, быстро подошла к парню.

– Знаешь, что у Германа сыпной тиф? – после некоторой паузы, вытирая бардовое лицо пациента смоченной в разведенном уксусе тряпочкой, осведомилась младая особа. – И ты можешь подцепить болезнь от него?

– Значит, так тому и быть, – вновь вспоминая про свою богом данную судьбину, заключенную в неуютных стенах этой холостяцкой избы, прошептала Улюшка и вновь почувствовала на своем виске нечто инородное.

– Это вши, – проследив движение руки странной путешественницы, подтвердила ее опасения «докторша», – Меня зовут Фаиной, я соседка этого интересного молодого человека. А потому, когда нет дома родителей, прибегаю оказывать ему необходимую медицинскую помощь.

– А если заразишься ты? – с жалостью окидывая взглядом ее неразвитую по причине юного возраста фигурку, тускло пробормотала Ульяна. – Тебе надобно жить, ведь ты еще так млада и ладна собой!

– Кто бы говорил! – неожиданно звонко расхохоталась Фаина и постаралась влить в безвольный рот больного несколько глотков мутной белесой влаги.

– Давай сладимся так, – собравшись с духом, торжественно провозгласила беглянка, – я буду ухаживать за Германом, а ты... А ты будешь изредка являться ко мне в гости, только встречаться мы будем во дворе. Там свежий воздух, а мне так потребно дышать свежим воздухом.

– Ну нет! – возмутилась пришелица и заботливо поправила на парне сползшее к полу одеяло. – Ты не сможешь выходить моего пациента, а потому...

– А что такое пациент? – озадаченно переспросила Уля, – Впрочем, я выхаживала и не таких больных пациентов. Поверь, что только я смогу вылечить страдающего брюшным тифом.

– Не брюшным! – возмутилась девочка и сильно закашлялась.

– Сыпным, – немедленно согласилась с всезнающей малышкой Уленька и заботливо похлопала ту по спине. – Подавилась?

– Ладно, – успокоилась Фая и мгновенно покрылась крупными каплями пота. – Ладно, оставайся, а я пойду домой. В погребе у Германа есть картошка, репка, лук и еще кое-что. Он умеет работать на земле. Так что корми его и сама ешь. Кстати, там, в углу, стоит настоящая пшеничная мука.

Еще раз закашлявшись, Фаина ушла. Вздвогнув и мысленно пожалев девочку, Уля подошла к печи и с радостью обнаружила за ней мешок с благословенной надеждой на жизнь.

Подтопив печь, беглянка принялась за хлеба. Уж что-что, а они у нее получались на славу.

Тесто поднялось сразу, будто давно ждало своего часа. Запахло уютом, повеяло теплом, и умирающий от тяжелой немочи открыл большие, с красными прожилками, глаза.

«Как у кролика», – снова подумала новоявленная хозяйшка и, схватив полную кружку воды, поторопилась к внезапно пробудившемуся.

– Ты кто? – сделав большой жадный глоток, невыразительно поинтересовался у прекрасного видения заново родившийся. – Тебя прислали ко мне Новоселовы?

– Я ехала мимо и решила попроситься к вам на ночлег, – крайне смутившись, пролепетала Уленька. – А потом увидела вас, возлежащего без сознания. Вот и решила...

– Тебе необходимо бежать отсюда, – нахмурил темные брови юноша. – Возле меня притаилась смерть, и нет никакой необходимости в том, чтобы вместо одной жертвы костлявая забрала две.

– Не гони меня, – с тревогой всматриваясь в правильные черты лица нареченного, жалобно всхлипнула Улюшка. – Некуда идти мне. На улице сиротинушку ожидает погибель, а здесь, кто знает, может, Господь и пожалеет горемычную.

Ничего не сказал парень, а только откинулся на подушку и снова впал в беспамятство.

Пришло время приниматься за тяжелую, опасную работу, которая могла закончиться ее кончиной, тем не менее, Уля с решимостью засучила рукава новой городской кофты, подаренной любвеобильным Дементием Евсеичем в той, другой жизни.

Прошло две недели. Каждый день навещала отшельников раскрасневшаяся от мороза Фаина и, надрывно кашляя в расписную варежку, неизменно приносила беспамятному подопечному что-нибудь вкусненькое. Она настороженно наблюдала за действиями взявшейся из неизвестности персоны, и, видимо, оставалась довольна теми операциями, кои Ульяна совершала на ее глазах. Все шло своим чередом. Но однажды, когда на дворе завывала метель, Уля встала после ночи, проведенной на полати, разбитая, словно кто-то неведомый колотил ее тело железными кулаками. Спотыкаясь на ровном месте, она подошла к кровати Германа и с радостью обнаружила, что парень открыл глаза.

– Хочу есть, – покрываясь алым румянцем, признался он и как-то по-новому взглянул на прелестную девушку, спасшую его от старухи смерти.

«У него прочистились глазоньки», – с нежностью подумала юная сиделка, и ее маленькое неопытное сердечко часто-часто застучало в груди.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась хозяйшка и побежала к печи, чтобы согреть нареченному настоящих русских блинов, благо четыре яйца еще вчера принесла любезная Фаинька.

Сковородка с кушаньем была уже совсем рядом, как у Уленьки отчаянно закружилась голова. Тихо ойкнув, девушка попыталась ухватиться за несуществующую опору, но та, словно дразня ее, медленно отплыла от беглянки на приличное расстояние. Крепко стиснув зубы, Уля шагнула к не обшитой бревенчатой стене и, не достигнув места назначения, неожиданно для самой себя кулем повалилась на холодный некрашенный пол.

Глава 7 Живая

Сколько прошло времени, Уля не помнит, только вновь серые беспросветные дни сменялись черными, еще более беспросветными, ночами. Крохотный трепещущий огонечек коптил над изголовьем ее покачивающейся кровати и обмирал от жалости, когда большой беспощадный костер начинал сжигать свою пленницу изнутри, с жадностью пожирая ее изболевшееся от злоключений сердечко. И не только его.

Кто-то сильный и властный неизменно протягивал ей кружку с ледяной водой и требовал, чтобы она проглотила всю эту бесконечную влагу, которую у Ули не было сил пить. Кто-то насильно вытирал ее бессрочно мокрое тело, поворачивал его с бока на бок, закапывал в нос что-то едучее и называл ласково по имени.

«Наверное, это сон, – в перерывах между мечущимися кошмарными грезами думала Уленька и с радостью отдавалась большим, добрым рукам, притягивающим к себе ее измученную нескончаемыми бедами душу, – или мама, вернувшаяся из могилы, дабы навестить несчастную доченьку, проданную Макаровым за их великое, но не греющее сердце богатство».

Но однажды пришло утро. С силою скинув с себя очередной дотошный кошмар, Уля распахнула непрсохшие от слез глаза и с удивлением обнаружила подле себя высокого, красивого парня без признаков растительности на голове.

– Добрый день, – сверкнул зубами парень и, встав, взял с придвинутого к кровати столика кружку вожделенной жидкости, которую Улюшка тотчас с жадностью выпила.

– Как мы себя чувствуем? – широко улыбаясь, ласково поинтересовался юноша и протер беспомощной подопечной пересохшие от обезвоживания губы.

Чувствовала больная себя неплохо, только страшная слабость по-вражески атаковала ее беззащитную плоть, дабы всласть поиздеваться над нею.

– Отныне мы будем поправляться, – поднося ко рту пациентки чашку с наваристым бульоном, торжественно объявил красавец. – Мы будем есть и пить за двоих, а потому скоро встанем на ноги и поедем в дальнюю дорогу.

– Опять в дорогу? – ахнула Уля и обреченно вдохнув непривычно сырой воздух, вспомнила ненавистных Макаровых.

– В Беларусь, – с готовностью подсказал беглянке хозяин дома. – Познакомлю я тебя с батюшкой своим да, пожалуй, и с матушкой тоже.

– Зачем? – подивилась Уленька и выпила до доньшка чрезвычайно вкусный бульон.

– Неужели я когда-нибудь брошу на произвол судьбы свою прекрасную спасительницу? – вновь сверкнул белоснежными зубами юноша и отжал в старой посудине ветошь, чтобы заботливо вытереть ею взмокшее тело девушки.

Уля засмушалась, но Герман по-хозяйски расстегнул на ее груди чужую исподнюю рубашу и старательно протер едучей тряпочкой ее непорочные белые груди.

Стало холодно. За мутным окошком заметался бесприютный ветер. Он рванулся к деревянной, не обшитой избушке, чтобы швырнуть в некрашенные рамы пригоршню белых пушистых хлопьев. Рывком Ульяна попыталась прикрыться, но ослабевшие руки вновь не послушались ее.

– Успокойся, – ласково проговорил парень и с материнской нежностью укутал ее новым теплым стеганым одеялом.

– Кто ты? – наслаждаясь долгожданным теплом и покоем, осторожно осведомилась Уленька.

– Мое имя Герман Антонович Мороз, – печально произнес хозяин дома. – Приехал я в Россию из западной Беларуси. Хотел попытать своего счастья, да вот, как видишь, ничего из этой затеи не получилось. Чтобы не тратиться на наемное жилье, купил я по случаю эту

невзрачную хатку и решил открыть в центре города бакалейную лавку, но свалил меня тиф треклятый. Если бы не Фаечка....

– Где она? – нетерпеливо перебила спасителя Уленька.

Помрачнел красавчик, сглотнул набежавшую к горлу слюну да повесил голову.

– Где она? – повторила свой нехитрый вопрос девушка. – Отвечай же!

– Похоронили третьего дня, – дернувшись, невнятно пробурчал Герман.

Неведомое чувство сверкнуло в его больших васильковых очках, промелькнуло и тотчас погасло. Или высохло.

– Почему она... умерла? – с жалостью вспоминая строгого, милого полуребенка, с ужасом прошептала Уленька и снова почувствовала, как жаркая воздушная волна бесцеремонно накатила на ее умаянное болезнью тело, чтобы с ненасытностью изголодавшейся ехидны жадно лизать его удушливым, пожирающим плоть, пламенем.

– Я виноват перед ней, потому что заразил малышку, – удрученно пробормотал юноша и неожиданно для себя бегло провел длинными трепещущими пальцами по влажной косынке прелестной гостьи. – Я виноват перед тобой, потому что заразил тебя.

Вздрогнув от этого волнующего прикосновения, Уля, преодолевая адские мучения, с великим трудом вскинула робкую трясущуюся руку, чтобы с благодарностью дотронуться до единственной, способной на сострадание к ней, живой плоти, и нечаянно коснулась своей головы, наглухо обернутой во что-то неприятно и неприлично мокрое.

Потрясенно обследуя каждый квадратный сантиметр этой влажной материи, она с ужасом обнаружила, что непокорные локоны, предмет ее любви и гордости, покинули свое чисто выбритое жилище, оставив его беззащитным перед надвигающейся из неизвестности опасностью.

– Они еще вырастут, – отворачиваясь от ошеломленной девушки, пообещал ее неожиданный друг и что-то смахнул со своих пунцовых век.

«Фаечка преставилась, а я осталась жить, – думала меж тем Уленька, покорно принимая от Германа чашку с крепким травяным настоем. – Она, чья-то обожаемая дочь, была, наверное, по-детски влюблена в красавца соседа, а сгорела в нещадном огне сыпного тифа. Я же, не нужная даже родимому батюшке, осталась житьствовать на этом беспощадном свете, который возлюбила нежданно-негаданно, благодаря своей внезапно найденной, напророченной Марфой, судьбине».

– Фаина умерла, ухаживая за нами обоими, – будто услышал невеселые мысли беглянки хозяин дома. – Царствие ей небесное. Отец говорит, что такие люди обязательно попадают в Рай.

– А кто твой тятенька? – выныривая из обличительного болота, печально поинтересовалась Ульяна.

– Ксендз, – осветился улыбкой парень. – Большевики называют таких, как мой батя, попами. И новая, советская, власть не признает Бога.

– Не признает? – удивилась Уленька и вспомнила важного сорокинского священнослужителя.

Он с безразличием бубнил под нос молитвы над покорными его воле новобрачными и, сосредоточенно думая о чем-то, размахивал дымящимся кадилом. Тогда, на Покров, помышляла Уля о смерти и кликала ее всеми силами. А сейчас?

– Я научился печь блины, хотя в Белоруссии большей частью почитают драники, то есть, оладьи из сырого картофеля, – оповестил воскресшую хозяйин дома и отошел к печи, чтобы помешать в огромном чугуне что-то непрерывно булькающее. – Не зря нас называют бульбашами. Бульба по-белорусски – картошечка.

– Ты варишь что-то на всю деревню? – улыбнулась выздоравливающая.

– Это постельные принадлежности, – пояснил подопечной неприличные звуки Герман. – Много пришлось перекипятить мне всяческого белья, прежде чем я извел этих гадких вшей. Зато теперь в нашем доме чисто.

«В нашем»? – вздрогнула Уля и почувствовала, как робкая искорка счастья, стыдливо пробравшись за пазуху, защекотала ее обвыкшую уже к бесконечным напастям грудь.

Прошло две недели. Мороз заботливо поил и кормил девушку, менял на ней промокшее насквозь белье, мыл почти обнаженное тело сгоравшей от стыда пациентки и говорил, говорил ей ласковые, ободряющие слова. Изредка он мимоходом касался чисто выбритой головы Уленьки, а потом, словно обжегшись, отдергивал трепещущие от неизвестных ей чувств пальцы и немедленно покрывался полыхающим румянцем, словно малое, напавшее исподтишка дитя.

А однажды Ульяна почувствовала, что совсем здорова. Слабость, охватывающая до сих пор ее юное тело, отодвинулась на приличное расстояние, уступив место неожиданному приливу сил.

Герман сидел рядом и что-то писал. Уля взглянула на старый, пожелтевший от времени, листок бумаги, на котором красовались отчетливые ровные буквы, и неожиданно вспомнила церковно-приходскую школу, в которой ее так кстати обучили грамоте.

– Проснулась? – встрепенулся юноша и отложил обломок растрескавшегося карандаша в сторону. – Я вот строчу сейчас письмецо батюшке, что скоро мы приедем к нему в гости. Родители обязательно полюбят тебя, Лилия.

– Лилия? – удивилась Уленька и тотчас с радостью осознала, что теперь-то уж никогда не будет одна.

– Лилия Белая, – пристально вглядываясь в ее счастливые голубые очи, повторил чудные слова Герман. – Я теперь, душа-девица, на тебе готов жениться. Видела ли ты когда-нибудь себя со стороны, милая? Свое белое, как снег, тело, драгоценные платиновые волосы, похожий на волшебный аленький цветочек рот?

– Платиновые? А были пшеничные, – погружаясь с головой в его приводящие в смятение речи, изумилась Уля, и что-то горячее поднялось из руин надорванной души, чтобы поглотить ее, сиротинушку, без остатка. И это что-то не было той самой ужасной болезнью, которая, как ни странно, стала причиной ее приближающегося неспешно счастья.

– Платина – белый драгоценный металл, он гораздо дороже золота, – пояснил между тем парень и нежно поцеловал тонкие, дрожащие от волнения, пальчики подаренной фривольной фортунной возлюбленной.

Время остановилось. Только пылающий от страсти рот с жадностью впивался в трепещущее тело девушки, стараясь напоить его силой, присущей внезапно свалившейся с непредсказуемых небес чистой, но безрассудной любви.

– Хочешь молока? – вскакивая с кровати, невнятно пробормотал Мороз и, пряча от Уленьки пристыженный взгляд, метнулся к печи, чтобы принести оттуда крынку с топленым желтым содержимым.

– Хочу, – пламенея от необъяснимого поступка юноши, прошептала девушка и с удивлением осознала, что страстно и страшно хотела того, что могло между ними произойти. Но почему-то не произошло. И кто тому виной? Она, Уля, ее неумение, стыдливость или...

– пей, – по-прежнему отворачиваясь в сторону, будто недовольно, пробурчал парень. – Мука прилась очень к месту, так как я ее меняю на продукты животного происхождения, необходимые выздоравливающему человеку. Кстати, – он замялся и долго-долго вздохнул. – Кстати, прости негодяя, если сможешь. Никогда я не поступлю с тобой подобным образом. Веришь?

Уленька верила, но совершенно не понимала, почему Герман отказался от нее после создающих поцелуев, воскресивших ее почти умершее тело и год назад почившую душу.

– Ты выйдешь за меня замуж? – вновь приближая к нареченной пылающее лицо, тихо спросил хозяин дома. – Ты будешь моей женой, Лилия?

– Буду, – невольно обхватывая руками мощную шею суженого, жалобно простонала беглянка. – Только даст ли мне развод ирод окаянный?

– Расскажи о себе, – решительно убирая осмелевшие ладошки большого ребенка со своего взбунтовавшегося не на шутку стана, сухо приказал юноша. – Расскажи о себе, родная.

– У меня был муж, – поморщилась Уленька и сразу же заметила судорогу, пробежавшую по настороженному лицу возлюбленного. – Меня за него выдали силком, и..., – Уля помедлила, – я страшно ненавидела Тришку Макарова.

– Значит, твоя фамилия Макарова, – невесело подытожил слова подопечной Мороз. – И что произошло дальше?

– А после свекор стал приставать ко мне, и я убежала, – Улюшка волновалась. Она вновь почувствовала приближение тошнотворной жаркой волны, которая, не спрашиваясь, налетела на нее из темного, завешенного тряпицей, угла, где, наверняка, таились животворные иконки. Почему-то стало нестерпимо стыдно, и, пытаясь спрятать от чужого, по всей вероятности, непорочного мужчины настырные едучие слезинки, Уля устало прикрыла обезображенными болезнью веками выплывшие от болезни глаза.

– Муж, супруг, спутник жизни, благоверный, – будто не слушая Уленьку, со скупающим видом проговорил спаситель и поднялся, чтобы брезгливо вымыть руки под повывавшим виды железным рукомойником.

Время остановилось. Где-то надоедливо капала вода, но это был не дождь, так как Ульяна отлично помнила, что во дворе хозяйствовала зима.

«Он отказался от меня, – прислушиваясь к ровному стуку совсем не весенней капли, невесело думала беглянка, – ошиблась Марфа. Видно, и ведьмы порой ошибаются. Что ж, вылечусь и уйду от Мороза куда-нибудь, а возможно, к Коновалову на завод подамся».

– Таков, видимо, мой удел, – скучно молвил неожиданный в ее жизни мужчина, – и ничего с этим не поделаешь.

«Он никогда не простит мне моего позора, – вздрогнула от его реплики Уленька и с замиранием сердца стала следить за тем, в кого, наконец-то, по-настоящему влюбилась, только и на сей раз злодейка-судьбина отшатнулась от горемычной, чтобы вдоволь посмеяться над ней, рабой божьей. Впрочем, верила ли Уля в Господа, она не знала, только не выходил из ее головы ослепительный образ наикрасивейшего и наилучшего в мире мужчины – Иисуса Христа. Еще в отрочестве младшая дочь Назаровых, спрятавшись за согнувшимися в благоговейных позах спинами взрослых, восторженно любовалась сверкающими в полутьме ленивых свечей иконами, среди которых именно прекрасный Христос прочно занял свое почетное место в целомудренном сердечке простой крестьянской девушки-полуребенка с трепетной и пылающей от неизведанного и необъяснимого чувства душой.

– А теперь мы съедим эту восхитительную кашку, – насмешливо произнес кормилец и протянул к пересохшим губам хворой ложку аппетитно пахнущей рассыпчатой гречки.

Уля послушно открыла рот.

Глава 8 Сестры

Добротный пятистенник Назаровых по-хозяйски расположился подле промерзшего чуть ли не до доньшка небольшого пруда, в котором с весны по позднюю осень весело плескались рядышком с дикими сородичами многочисленные сорокинские утки и гуси. Вместительная горница в избе Василия Ивановича, служащая гостиной, справа и слева занавешенная цветастыми ситцевыми шторками, разделяющими друг от друга махонькие, в одну кровать, спальни, была разобщена с кухней тщательно выбеленной огромной русской печью. Угрюмая чистота жарко протопленного помещения освещалась парой-тройкой свечей, гордо восседающих на бронзовых городских канделябрах.

В своей крохотной светелке Наталья тихо плакала в подушку, вспоминая любимую младшую сестренку. С Матреной никогда не были они так близки, как с Улей. Да и близки ли они были со старшей сестрой когда-нибудь? Держала себя Мотя высоко, чуждалась сельчан, с достоинством несла надменную голову и будто не примечала низкорослую Натальюшку, да и всех парней в округе, вместе взятых. Только Гришку гордячка к себе подпустила, да и потому только, что он городской да пригожий больно. Уехала Матрена в Михайловск, и будто не было в ее жизни родимого Сорокина. А Уля, Улюшка бы этого не сделала. Не отрешилась бы она от хромоногого брата и уродки сестры. Видимо, Господь забирает к себе, на небо, самых наилучших. А поганые ему и там не нужны.

– Груня, – послышался недалече быстрый хриплый шепоток Филимона. – Грунечка, ясынька моя ненаглядная, поди ко мне.

Наталья затихла. Догадывалась она и раньше о безответной страсти Фильки к злой мачехе, догадывалась, да свиданий их бесстыжих не видела. А тут....

– Окстись, окаянный, – умиротворенно фыркнула за занавеской Аграфена Петровна. – Небось, безмозглый батяня твой прослышал про наши сношения. Прибьет он тебя, паря, прибьет, не пожалеет.

– Ну и пусть порешит, – между тяжелыми вздохами, будто запыхавшись, противно прогундосил Филька. – Не мил мне свет без тебя, любезная. А то я и сам прикончу супостата, а без него поженимся. Хошь?

Долгий женский стон прорезал настороженное безмолвие родной избы, и Наталья, почувствовав необъяснимое волнующее напряжение внизу живота, обессилено откинулась на край кровати, хватая обескровленными губами пропахший травами воздух дорогого сердцу жилища. Вспомнился Тиша Баранов, его пронизывающие насквозь фиалковые очи, косая сажень в плечах.

– Баба! – внезапно ворвался в грезы девушки зычный голос Василия Ивановича. – Грунька, куды ты запропастилась, проклятушая?

Недолгая тишина взорвалась множеством мельчайших взбудораженных черных точек, которые тут же осели на крепкую немудреную мебель примолкшей от изумления горенки.

«Мне показалось, – ощущая всем своим естеством отчаяние тех двоих, притаившихся за ситцевой завесой, удивленно подумала Натальюшка. – Или Господь посылает знак, чтобы я, ненужная никому, пошла бы навстречу его могущественным желаниям. Каким?»

Грохнув табуреткой, вылетел во двор хозяин дома.

– Грушка! – стараясь перекричать ветер, заорал он, стоя под окнами. – Грушка!

Уткнувшись в подушку, чтобы вдоволь выплакаться, тотчас почувствовала средняя дочь назаровская, как вынырнула из спальни пасынка наглая Аграфена Платоновна, отряхнулась, будто снесшая яйцо курица, и гоголем пошла туда, навстречу зову нелюбимого старого мужа.

Девушка притаилась. И тогда внезапно поняла она, что не может больше жить на этом несправедливом свете, который заносчиво отвернулся от нее, сиротинушки, чтобы, непре-

рывно награждая колкими тумачами, злобно посмеиваться за ее согбенной спиной. Приняв единственное правильное решение в своей короткой и смурной жизни, Наталья решительно встала и, столкнувшись нос к носу с куда-то спешившим братцем, накинута на себя старую шубейку, чтобы под прикрытием ночи навсегда покинуть опостылевшее без матушки жилище.

Матрена смеялась. Она никогда еще так долго не хохотала, ибо исполнилась ее давнишняя мечта. Исчезла Мотина соперница Улька, утопла в болоте Ведьмином. Так ей и надо, шалаве востроглазой. Чужало Матренино сердце, чужало, что и Гришенька ненаглядный иной раз искоса поглядывает на худосочную младшую сестрицу. И в кого она такая тощая да белокожая уродилась? Не иначе как маменька с благородным переспала. Не иначе. Только где сейчас благородные те? Кто без подштанников за границу подался, а кто и в землю, сложивши ручки, лег. Пристрелили буржуев недорезанных комиссары народные. Вот и ихней Ульке, словно буржуйке, каюк вышел. Не будет бесстыжими зенками зыркать, чужих мужиков приваживать.

– Какая же ты бессердечная, – с удивлением наблюдая за протiwоестественным весельем жены, осуждающе покачал головой Григорий.

– Влюбился? – впервые закричала на мужа старшая дочь Василия. – Чего молчишь, кобель михайловский?

То ли померещилась Матрене, то ли нет, но сверкнула в зрачках супруга люта́я звериная злоба, сверкнула да за ресницами утаилась.

Как-то странно хмыкнул Гриша, резво вспрыгнул на ноги да, ни слова не говоря, из дому удалился.

Ойкнули внутренности у Моти, почуяли они беду неминуемую, а потому вскочила Матрена с кресла и, накинута шубейку овчинную, выбежала на заснеженное крыльцо.

Старательно чеканя шаг, прошествовала мимо нестройная колонна рабоче-крестьянской армии, в хвосте которой галопировали шустрые михайловские ребята, обряженные в обноски своих политизированных родителей.

– Тетя Мотя, что вы трете..., – слышалось с другого конца тротуара, – между ног....

– Тьфу ты, пропади пропадом эта революция, – в сердцах сплюнула женщина и, повертев головой по сторонам, не увидела никого.

Григория тоже не было. Сглотнув набежавшую слезу, старшая назаровская дочь обреченно поплелась в комнату, ставшую вдруг безжизненной без красавца парикмахера Иванова.

Мороз крепчал и, не имея голоса и слуха, тихо нашептывал свою нехитрую песенку под серыми подшитыми валенками: хрусть, хрусть. Зима, конечно, на Руси завсегда славилась своей лютостью, но такой....

Наталья втянула в воротник голову и побрела по еле видной во тьме тропинке туда, к лесу, в котором ее обязательно растерзают оголодавшие волки. Или удушит появившееся совсем недавно привидение. Можно, конечно бы, прыгнуть в колодец, но из него еще долго пить воду батяня будет. А она отцу не вражина какая.

Однобокая луна подслеповато наблюдала за девушкой, непослушные ноги которой неизменно вязли в недавно выпавшем снежном месиве, и упорно не замечала ее отчаяния. Выдохнувшись, Натальюшка остановилась и с обреченностью огляделась по сторонам. Что-то угольно-черное неожиданно отделилось от плохо зримого во мраке горизонта и отгородило от несчастной равнодушное к мирскому горю тусклое ночное светило. Немыслимая темень опустила на Сорокино, проглотив жутким беззубым ртом скособоченные от старости избы, среди которых было и ее еще крепкое родимое гнездышко. Всхлипнув, сиротка покорно осела в один из мягких коварных сугробов и приготовилась к самому худшему. Тихий стон слышался ей со стороны глухого леса. Или что-то из того, что поют на похоронах? Наверное, ангелы прилетели в сорокинские леса, чтобы отнести на страшный суд к Господу Натальину

грешную душу. Али демоны? Все равно. Молниеносно заledenели ноги, а длинные ресницы умирающей покрылись инеем, который запечатает навеки ее уставшие от слез глаза.

Стон повторился. И тогда какая-то крупная желтая звездочка самоотверженно кинулась с благополучных высот, чтобы осветить хоть на мгновение затерянную во мгле частицу божьих владений. Слабый свет пролился сквозь небольшие редкие ели и явил пораженному взору сиротки хрупкую одинокую фигурку, которая, подражая свободолобивым снежинкам, кружилась в неизвестном танце и что-то негромко напевала.

«Призрак», – решила Натальюшка, быстро перекрестилась, но видение не исчезло.

Оно медленно приближалось к беглянке и уже протягивало к ней свои еле различимые бестелесные руки.

– Встань и иди за мной, – игнорируя страстные молитвы грешницы, властно проговорило привидение и совсем по-человечески подало ей две маленькие сильные, теплые ладони.

«Оно без перчаток», – мысленно подивилась девушка и, взяв себя в руки, с просыпающейся надеждой ухватила за неожиданное спасение.

– Меня зовут Марфой, – глухо провещала незнакомка и потащила за собой в дремучий лес отчаявшуюся добычу.

«Колдунья»? – мелькнуло в голове несостоявшейся самоубийцы, но усилием воли она отогнала от себя эту наводящую панику мысль, так как в жизни страха и так натерпелась немало.

Сколько времени они добирались до избушки ведьминой, Наталья не помнит. Только помнит она, как ожесточившись на варварский род людской, больно хлестали ветки по ее обмороженным щекам, да где-то вдалеке непрерывно ухал незримый филин. Наконец, небогато обставленная изба, насквозь пропахшая луговыми цветами, и почерневший от времени булькающий котел, который явил ее раздувающимся от быстрого хода ноздрям что-то чрезвычайно аппетитное, предстали затравленному взору беглянки.

– Сначала выпей, – протянула кружку с неизвестным напитком старая черноглазая женщина и неуловимым движением скинула с себя аккуратно залатанный черный полушубок.

Множественные морщинки бороздили ее бледное до синевы лицо и придавали ему необъяснимое очарование.

– Благодарствую, – поддаваясь этому необъяснимому очарованию, разомкнула оледеневшие губы девушка и с жадностью припала к горько-сладкому травяному настою.

– Карр, – одобрил поведение незнакомки некто, притаившийся в дальнем углу горницы. – Крроха! Крраля! Корролева.

Наталья вздрогнула и резко обернулась на диковинный гортанный голос.

Большая черная птица восседала на покрытом душистыми травами топчане и, будто насмехаясь над нечаянной зрительницей, неуклюже кланялась ей.

– Это Кирк, – проследив взгляд ошеломленной девушки, тяжело усмехнулась черно-книжница. – Не обязательно иметь человеческое тулово, чтобы обладать рыцарским сердцем.

Что такое «рыцарским», Наталья не знала, но решила не выдавать своего зазорного невежества.

– Ворронн, – пояснил слова хозяйки ее говорливый друг. – Благородство! Сверкание! Совершенство!

– А теперь спать, – распорядилась владелица дома и распахнула пеструю занавеску, за которой стояла разобранная, готовая к приему гости, кровать.

Ночь прошла как одно мгновение. Видимо, горьковато-сладкий травяной настой обладал чудодейственной силой матушки земли, дарующей успокоение и излечение тем, кто верует в ее мудрость и мощь.

Блаженно потянувшись, Наталья открыла глаза и, растерянно оглядевшись по сторонам, стремительно вскочила на ноги. В подслеповатое окошко с любопытством заглядывала мохнатая лапа ели, на которой пристроилась весело щебечущая синичка.

«Где я»? – озадаченно подумала беглянка и отдернула плотную, тщательно заштопанную шторку, отделяющую ее крохотную светелку от большой, заваленной различными дикоросами, горницы.

На столе, рядышком с кринкой, доверху наполненной молоком, и краюхой черного хлеба переминался с ноги на ногу вчерашний словоохотливый ворон.

– Привет, – покосился на гостью черным любопытным оком любимец хозяйки дома.

«Причудилось», – помотала головой Натальюшка и взглядом поискала рукомойник.

– Он здесь, – проговорил кто-то над самой головой.

На печи, укрывшись старой шубейкой, возлежала Марфа, и пунцовое ее лицо сливалось с красным шерстяным платком, надвинутым на самые брови.

– Захворали? – ахнула девушка и с беспокойством потрогала пылающий лоб спасительницы. – Какой заварить травки, чтобы приготовить для вас снадобье?

– Не стоит беспокоиться, барышня, так как я уже приняла лекарство, которое только что сбило лихорадку, – усмехнулась колдунья и кивнула на вычищенный до блеска умывальник. – И ведуньи иногда болеют.

– Простудились, поди, вчерась, пока со мной возились, – укоризненно проворчала Натальюшка и, наскоро умывшись, вновь подошла к чернокнижнице, чтобы поменять на ней промокшее насквозь белье.

– Не волнуйся, к вечеру пройдет, – отдаваясь в умелые руки гостыи, пропыхтела Марфа и вдруг как бы нечаянно потрогала тугой локон, выбившийся из-под косынки неожиданной помощницы.

К вечеру температура спала. Наталья убралась в горнице, испекла пышный, душистый каравай, сварила вкусные наваристые щи с кислой капустой и накормила ими болезную. Затем угостила хрустящей корочкой празднующегося Кирка, а только потом поела сама и, ощущая сильную усталость во всем теле, с чувством исполненного долга завалилась на свою постель, дабы вдоволь насладиться сытостью и покоем. Уходить никуда не хотелось.

– Вот и оставайся, – угадала ее нескромные мысли хозяйка дома. – Всю жизнь мечтала о дочери, да вот Бог не давал. Теперь же, – она закашлялась и сплюнула слюну в настоящий горожанский платочек, – сжалилась надо мной Пресвятая Богородица, послала тебя, милая. Кто знает, может, передам я тебе знания свои, красавица, ибо только такая добросердечная душа, как твоя, сможет стать моей способной ученицей. Отныне ты и выглядеть будешь по-новому.

– По-новому? – подивилась диковинным речам колдуньи Натальюшка, почувствовала внезапную жажду, схватила стоящий недалеко расписной глиняный кувшин с ароматным настоем и выпила из него ровно столько, сколько поместилось в ее наполненном до отказа желудке.

Жутко закаркал ворон, настойчиво призывая на буйный сатанинский пир своих неприглядных хвостатых сородичей, захлопали многочисленные невидимые окна и двери, а потом все разом стихло, только невеселый голос незабвенного Тиши Баранова нежно шептал умирающей от горя и блаженства девушке скорбные слова прощания.

Глава 9 Начало

Всю ночь Улюшку мучили кошмары, будто звал ее к себе Тришка поганый, да папаша его меж молодоженами грудью встал. А утром, лишь забрезжил несмелый рассвет, Уля открыла глаза и неожиданно поняла, что здорова. Она с подозрением прислушалась к своим внутренностям и с восхищением осознала, что у нее ничего не болит. Как в той жизни, когда она была простой крестьянской девкой, работающей до пота по дому и встречающей на каждом шагу восхищенные взоры односельчан. Девушка сладко зевнула и, поднатужившись, легко вспорхнула с надоевшей до спазмов в животе постели. Почему-то закачались окружающие предметы, их немедленно заволокло сизой, с поблескивающими желтыми крапинками, дымкой, а потом, когда растаял противоестественный густой туман, Улюшка увидела на рядом стоящем топчане безмятежно почивающего Мороза.

Раскинув сильные руки, он мирно втягивал в себя тот же самый воздух, которым дышала и она, отвергнутая взыскательными сельчанами сиротинушка. И тогда сердце дрогнуло в изболевшейся груди Уленьки, и тогда горькие слезы навернулись на ее большие голубые глаза. Отчего не встретила она Германа, когда была еще жива матушка? Отчего вышла за слюнявого Трифона? Неужто не простит добрый молодец ее бывшего замужества? Всклипнув, беглянка неожиданно осознала, что не спит более ее возлюбленный, а исподтишка наблюдает за ней.

– Итак, завтра едем в Сорокино, – улыбаясь, как ни в чем не бывало, возвестил новоявленную невесту юноша. – Сейчас, при новой власти, взять развод не так уж и сложно.

– Ты с ума сошел! – ахнула Улюшка и вспомнила грозного Дементия Евсеича да преданных батраков его.

– Не бойся, – приподнимаясь на локте, успокоил девушку Герман, – Не родился еще тот человек, который бы одолеть меня мог.

Уля не спорила. Она была не приучена прекословить мужикам, ибо мужики были хозяевами жизни, а не они, бабы.

Не проронив ни слова, она положила в узел немудреные пожитки Мороза и весело бренчащие монетки, дарованные ей диковинной Марфой-колдуньей. Сало, преподнесенное загадочной ведуньей, было давно и с удовольствием съедено, а из малого количества его Герман сделал целебную мазь, которой, во избежание пролежней, ежедневно смазывал нежное тело хворающей. Думать о Тришке сбежавшая жена боялась, но раз сказано ей было собираться, то делать тут уж было нечего.

– Ужинать, – пригласил к столу девушку ее напрошенный нареченный и торжественно поставил на выскобленные добела доски чугунок с дымящимися картошками в мундире.

Вздыхнув, Ульяна опустилась на лавку подле новоявленного жениха и, обжигаясь, взяла в руки остатки бывшего провианта.

Неожиданно в окно постучали.

– Хозяин! – крикнул кто-то, находившийся по ту сторону избы.

Мороз вздрогнул, и мертвенная бледность молниеносно растеклась по его встревоженному лицу. Опрокинув табуретку, он бросился навстречу этому голосу, рывком распахнул дверь, и поток ледяного воздуха с торжеством ворвался в прогретую до состояния бани горницу.

– Мстислав, – прошептал Герман, вцепился обеими ручищами в пришедшего и крепко обнял окоченевшего от стужи мужчину.

– Еле нашел тебя, – снимая настоящую господскую шапку, молвил незваный гость и только тут заметил обеспокоенную произошедшим Уленьку, которая разглядывала незнакомца с явным недоверием и раздражением.

Посмевающийся порушить их мирное уединение был невысоким хрупким брюнетом с раскосыми татарскими очами, точеным прямым носом и тонкими, ниточкой, губами под заливчатыми завитыми усиками.

– Как батя, матушка, брат? – помогая страннику стащить дорожную шубу, взволновано осведомился хозяин дома. – Совсем скоро я представлю им суженую, которую премудрый Господь подарил мне полтора месяца назад.

Черноволосый передернулся, будто бы от озноба, залез в нагрудный карман странного, чудного кафтана и выложил на стол небольшой, сложенный в несколько раз, сероватый от дорожной пыли листочек.

Трясущимися руками схватил Герман кусок грязной бумаги и, развернув его, впился жадными глазами в написанные на нем строчки.

Горестный стон вырвался из необъятных недр богатырской груди любимого и, благословляя церковно-приходскую школу, обучившую ее грамоте, Уля подняла с пола страшный документ, который, наверное, разбил ее только что нарождающееся счастье.

«Дорогой брат, – крупным неровным почерком писалось в нем, – на Покров отца и мать за веру в Создателя расстреляла советская власть, а я, как член семьи „врага народа“, вынужден был бежать из родной Беларуси, дабы сохранить на плечах голову. Куда подамся, не знаю. Наверное, уеду в Америку, ибо там находят приют все отверженные. Прощай. Артем».

– Я как раз собирался в Москву, – будто оправдываясь, пробормотал незваный гость. – Там встретил Остапа, который и поведал мне о твоём местонахождении.

Осиротевший молчал, и лишь округлые желваки беспрерывно ходили по его высоким бледным скулам.

– Все там будем, – произвольно прошептала Ульяна и тотчас замолчала, так как немедленно осознала, что сморозила глупость, и нет на свете таких слов, которые сейчас бы могли помочь несчастному.

– Поешь и иди отдохни, Лилия, ты еще не совсем поправилась, – очнулся от ступора хозяин дома. – А мы с Мстиславом приготовим ужин. Нам надо о многом поговорить с другом.

Убедившись, что Герман взял себя в руки, не снимая с себя платья, девушка кулем повалилась в постель.

Синие глаза почившей матери неожиданно предстали ее изумленному взору и, чувствуя сильнейшую слабость, недавняя умирающая моментально погрузилась в спасительный, без сновидений, сон.

Вечер пришел быстро. Маленькая серенькая птичка настойчиво постучала в обледеневшее окошко и, удостоверившись, что Уля распахнула глаза, беззаботно вспорхнула к жестоко-сердным небесам.

Герман сидел у печи и о чем-то тихо переговаривался с пришельцем.

Мгновенно вспомнилась принесенная гостем весть, и стало невыносимо тяжело.

– Встала? – скучно поинтересовался ее суженый и уронил лицо в сильные мозолистые ладони.

– Добрый вечер, – вздрогнул при ее появлении хрупкий брюнет, – разрешите представиться – Мстислав Запольский, школьный друг вашего жениха. Кстати, через час мой поезд, свидимся или нет более, не знаю, но если будете в Москве...

«В Москве!»! – ахнула Уленька и вспомнила горячку Матрену. Вот кто всегда мечтал побывать там!

– Прощайте, – встал с лавки земляк ее возлюбленного и чудно так головой воздух боднул, – Простите, но мы занялись не тем, чем надо и не приготовили достойный ужин, сударыня. Жаль расставаться, но мне пора. Прощайте.

Запольский крепко обнял школьного друга, а затем поцеловал руку растерявшейся девушке.

Накинув на плечи дорожную шубу, не оглядываясь, он быстро распахнул перед собой дверь.

После похорон стало оглушающе тихо, и Фекла Устиновна каждый день молилась о загубленной душе своего единственного сыночка. Она не ела, не пила, не спала, а лишь сидела на коленях подле равнодушных, обряженных в золоченые рамки, образов и тоненько выла, как старая бездомная собака. Темнело рано, и когда приходила ночь, женщина валилась на пестрый городской коврик, чтобы погрузиться в жуткое безмолвие. Дементий Евсеич ходил мимо обезумевшей от горя жены и неизменно хранил молчание. Время остановилось. Но однажды в него бесцеремонно ворвались люди в длинных серых шинелях. Они держали наготове винтовки и что-то кричали непонимающим ничего хозяевам.

– Нас выселяют, – заботливо поднял несчастную с колен неожиданно поседевший Макаров. – Гряд, едем на жительство в Сибирь. Добро, что еще в каталажку не засадили. И на том благодарствуем.

Он кривил посиневший по причине больного сердца рот и силился изобразить перекошенную улыбку, которая неизменно соскакивала с дрожащих от ненависти губ, чтобы дать им возможность шепотом без устали проклинать советскую, беспощадную к трудолюбцам, власть, лукаво обещавшую в ходе революции укрепить всем справным мужикам свое частное хозяйство. Ужели смогут голодранцы и лодыри так ходить за его кровью и потом политой землицей, дабы получить с нее богатый, изобильный урожай? Ужели сумеют они держать в руках его здоровущее хозяйство, дабы не подох от плохого ухода бесчисленный скот? Нет, нет и еще раз нет! И кто бы мог подумать, что главным бунтарем окажется невозмутимый на вид Тишка Баранов. Недаром в народе бают: в тихом озере черти водятся. Эх, был бы жив его единственный сын! Может, и он бы смог подластиться к комбеду и спасти этим своих родителей! Спас же зажиточных крестьян Барановых их хитрый старший отпрыск!

– Батюшка! – бросилась к руке новоявленного кулака Пульхерия Матвеевна. – Благослови, батюшка!

– Благословляю, – перекрестил бывшую прислугу сгорающий от ненависти Макаров.

Кухарка всхлипнула и быстро-быстро засеменила к группке вооруженных людей, с суровостью наблюдающей за поверженными.

– Да здравствуют сельские Советы! – тонко выкрикнул Еремей Кузьмич и, по-лошадиному заржав, похлопал прокуренной заскорузлой ладонью по аппетитному задку хихикающей Прасковьи Прохоровой.

Тяжело вздохнув, Дементий Евсеич отвернулся от группки победителей-голодранцев и, шатаясь на подгибающихся от унижения ногах, медленно и обреченно побрел в дом, дабы проститься навсегда с прошлой трудовой и сытой жизнью да взять с собою самое что ни на есть необходимое.

Высунув от усердия язык, Матрена стирала пропахшее одеколоном белье своего любезного.

«Правильно решил Гришенька, – вытирая взмокший от радения лоб, размышляла старшая дочь Назаровых, – наконец-то, прислушался к добрым советам всезнающей жenuшки, вступил в партячейку. И теперь они, гордые и непримиримые пролетарии, покажут кузькину мать всем, кто когда-то гоголем ходил по Михайловску. А главное, укоротить бы язык шустрому кухаркиному сосунку. Да ладно, и до него очередь со временем дойдет».

За стенами дома, в связи со скоропостижной смертью старухи-процентщицы, принадлежащего теперь уже семье Ивановых, слышалось нестройное пение Интернационала и повизгивание обомлевших от вседозволенности городских девок. Вот жизнь-то пришла какая: любого

красноармейчика выбирай, все как подбор – молодые да горячие! А может, и ей, Мотеньке, свежатинок попробовать?

Женщина вздохнула и вспомнила глаза незабвенного Гришеньки. Скоро, ой, как скоро преобразится он в настоящего комиссара и будет наводить порядок во всей губернии! А может, и в республике! А она, его верная жена, как Крупская, станет за супруга делами заправлять.

Запахло горелым. Хозяйка повела носом, скинула с рук прилипчивую мыльную пену и бросилась на чистую кухоньку, чтобы помешать в котелке ядристую гречневую кашу. В окно постучали. Поставив на стол дозревший ужин, Матрена метнулась к входной двери, которая внезапно распахнулась и явила взору растерявшейся мечтательницы желторотого безусого красноармейца.

Он был красив, он был необычайно красив той порочной цыганской красотой, которая толкает на безумства благополучных мужниных жен, грезящих о страстной любви и не менее страстной постели.

– Хочу есть, – совсем по-будничному сказал пригожий пришелец и потянул хищно вырезанными ноздрями воздух, пробивающийся из кухни в сенцы.

Мотя передернула плечиками, облаченными в домашнюю ситцевую кофту, и вновь подумала о вечно голодном супруге.

– Слышишь? – грозно поинтересовался молодой гость и сурово сдвинул сросшиеся на переносице брови. – Гони жратву, буржуйка, а то...

В намерениях пришельца сомневаться не приходилось, а потому, зябко поежившись, женщина с неохотой притащила революционеру аппетитно дымящийся котелок.

Красавчик потребовал ложку и вырвал из рук «классового врага» долгожданный харч, чтобы, не ощущая ожогов, с жадностью проглотить его, не оставив на доньшке даже маленькой коричневой горстки.

– Приятного аппетита, – провожая сожаляющим взглядом каждую порцию заветного кушанья, подобострастно пробормотала Матрена. – И как же вас зовут-величают, молодой человек?

– Андреем Ивановичем Брылем, – вытирая грязными пальцами розовые младенческие губы, важно просипел пришелец и заинтересованно посмотрел на радушную хозяйку.

Он прошелся жадным взглядом по ее полуоткрывшемуся от неизвестных чувств рту, по пухлой шее, тщательно запакованной в тугой стоячий воротничок, по груди, выпирающей из цветастой ярко-красной блузки. Он облизнулся и невольно потянулся к пышущему здоровьем женскому телу, в мгновение ока забывая про старуху-смерть, сторожащую его в гнилом окопе, вшей, бесцеремонно поселившихся в курчавой голове и красный террор, выбранный им, как единственный метод, благодаря которому можно стать, наконец-то, независимым и, в конечном счете, счастливым.

– Андрюха! – неожиданно закричал кто-то, ветром ворвавшийся в горенку. – Андрюха, ну и бабу ты тут нашел! Хороша кобылка!

Веснушчатый низкорослый малый, обутой в прохудившиеся кирзовые сапоги, топтался в холодных сенцах и с жадностью взирал на опустошенный без его участия котелок.

– А не найдется ли у тебя еще чаво-нибудь? – опрокидывая полегчавшую по вине цыгана посудину, грозно поинтересовался незваный гость и, оттолкнув разомлевшего после еды приятеля, бросился на их с Григорием кухоньку.

Послышались чертыхание, звук разбиваемой посуды, и через несколько минут разъяренный от неоправдавшихся надежд красноармеец предстал перед терпеливо ожидающими его соотечественниками.

Про то, что в тщательно замаскированном подполе у Ивановых хранились про запас крупы, мука да картошечка, Мотенька докладывать мужикам не стала. Она торжествующе улыбнулась и тотчас почувствовала на своей талии нетерпеливые руки черноглазого брүнета.

Он резко развернул оторопевшую от неожиданности женщину, бросил ее грудью на стол и, зарывчав, начал лихорадочно задира́ть на жертве юбки.

– Ату ее, эту недорезанную буржуйку! – возликовал веснушчатый оборванец и, мигом подскочив к одуревшему от вседозволенности другу, разорвал на безропотном трофее кофточку, обнажив полные восхитительные груди.

«Надо терпеть», – отдаваясь в их полное распоряжение, решила Мотя и блаженно вскрикнула, когда молодое копье красавца пронзило ее мягкое белое тело.

Уже две пары рук хозяйничали над ее покорной плотью, заставляя делать непристойные движения, которые возбуждали женщину настолько, что она чуть ли не теряла сознание.

Наконец, красноармейцы притомились. Почувствовав нежданное освобождение, Мотенька стыдливо опустила ресницы и, кокетливо одергивая исподнее, искоса взглянула на молодых ухажеров.

Они, не обращая на любовницу ни малейшего внимания, деловито опраправляли застиранные армейские одежки и удовлетворенно вздыхали.

– Погодь укрываться, краля, дай еще разок, – внезапно хихикнул рыжий и снова потянулся к вмиг сомлевшей полюбовнице.

– Ждут ведь, – рыкнул на приятеля Брыль и, стрельнув недовольными глазами в распутную женщину, злобно пнул ногой непредусмотрительно незапертую добротную дубовую дверь.

Они удалились, даже не поблагодарив Мотеньку за добросовестно оказанные услуги, а она, быстро стащив разорванную кофточку, с блаженством натянула на себя новую праздничную блузку, подаренную Гришенькой на день рождения.

«Надо бы поскорее сварить новый харч да маслица туда добавить поболее, – внезапно осознала хозяйшка, лихорадочно застегивая на груди многочисленные перламутровые круглые пуговицы, – пока не пришел мой дорогой мужинек. А рванье необходимо срочно починить, благо научилась она этой премудрости у родной мамани».

Сердце Матрены пело и ликовало, ибо цыганистый красавец теперь навечно вошел в ее страстную непорочную душу. В том, что душа у будущей комиссарши Ивановой безгрешная, Мотя уверена была на все сто. Ужели не она отваживала от себя всех голожопых сорокинских хахалей? Ужели не она блюла себя долгими бессонными ночами в течение многих месяцев, ворочаясь в постели, пока уставший от работы Григорий виртуозно выводил носом разнообразные неритмичные мелодии? То-то и оно...

Матрена забросила повидавшую страстные объятия кофточку в старую плетеную корзину и решительно направилась к печи, дабы вновь подтопить ее, чтобы вновь сварить в котелке рассыпчатую гречневую кашу.

Глава 10 Грушкина тайна

В Сорокине было шумно. Еще бы, не каждый день гонят из села попивших кровушки проклятых богатеев, дабы могли свободно вздохнуть нищие и обездоленные.

Фома Евстигнейч Еремин вертел головой по сторонам и, лаская глазами каменную крепость Макаровых, втайне мечтал о том, что вскорости он и его детишки будут обитать в неприступных стенах этаковского дворца, ибо только неимущая многодетная семья должна по справедливости населить пустующий без хозяев дом.

– Не хочу! Не поеду! – где-то тонко закричала какая-то баба и бросилась на колени перед грозными красными комиссарами.

– Пшла вон! – заорал цыганистый парень и пнул носком кирзового сапога пожилую простоволосую Пелагею, валяющуюся в чавкающем от сырости снегу.

Погода не радовала. То мороз скует оттаявшую было землю, то оттепель вновь нагрянет. Говорят, у докторов в Михайловске полны коридоры поломанных. Да мало ли что говорят!

Еремин махнул рукой и вспомнил почему-то исчезнувшую Натальюшку. Уж как покорна была средняя дочь назаровская, как приветлива и мила со всеми. И дети его ластились к девице. А она, чуть что, бежит к Егорке, младшенькому и гостинец какой в подоле тащит. Не смог Евстигнейч отгадать в теле ее квелом душу участливую. Не смог! А теперь....

– Утопла Наталья, как и красавица Ульяна, – будто подслушав мысли односельчанина, произнес чубатый Еремей Красулин, внезапно оказавшийся за спиной мыслителя. – Не фартит Иванычу, хоть тресни! А кому сейчас фартит? Палашке и ее мужику, которые вкалывали с утра до ночи?

– Чаво? – вздрогнул от неожиданности многодетный папаша и уставился на рыдающую крестьянку.

– Чаво-чаво, – отворачиваясь от раскулаченной землячки, буркнул незлобиво Еремей. – Правильно, братан, Наташка славной девкой была, хоть и росточком не вышла. Да что краса девичья, она скоротечна, а с лица воду не пить.

Вой Пелагеи начал цыгана злить. Подозвав на помощь беспрерывно скалящего желтые зубы веснушчатого красноармейца, насильник схватил за руки женщину и потащил к подводе, закиданной кучкой скромных деревенских пожитков, к которым жалась группка разновозрастных ребятишек.

– Вот и все, – мысленно прощаясь с середняками Калашниковыми, вздохнул Красулин. – Всех выгнали, только не тронули избу Назаровых. К чему бы это?

– Аграфену фиг прогонишь, – тяжело усмехнулся Фома Еремин. – Грят, дала она цыгану энтому, пока Иваныч спал. Пройдоха-баба!

– Пройдоха, – немедленно согласился с товарищем Еремей и, сплюнув на дорогу пенистую слюну, не прощаясь, поплелся вон.

Грунька сидела перед зеркалом и строила себе глазки. Она научилась этому премудрому искусству у маменьки, бывшей полюбовницы миллионщика Коновалова, у которого в молодости была в прислугах. Грят, похожа больно Грушенька на энтото миллионщика, ровно дочь родная. А почему бы и нет, разве не может быть писаная красавица Аграфена благородных кровей? Недаром два года назад благородный Алексей Антонов ее приметил.

«Ах, как хорош был Алешенька в постели, как ласков, – прищелкнула языком женщина, – как пригож! Да только внезапно исчез любый из села Сорокина. Исчез, будто его никогда и не было».

А тут и понесла Аграфена, да чтобы скрыть провинность свою, спешно вышла замуж за внезапно овдовевшего Назарова, у которого и без нее двор полон ртов. Работящ, конечно, Васька, да стар. А молодые Грунюшку сторонятся.

Живот не рос, хотя тошнило грешницу сильно и слабость дикую она чувствовала. Только радовало одно – не замечал лопухий муж ее состояния, да и сорокинцы ничего не примечали.

«Не желаю молодость свою губить», – по утрам нередко думала женщина и тайком от семьи, будто ненароком, про Марфу-колдунью сельчанок расспрашивала. Сказывают, справно умеет она от никчемного плода избавлять.

Как-то летом, наконец, решилась женщина и, выбрав время, когда никого поблизости не было, пошла она в лесную чащобу, да заблудилась. Бродила новая жена Иваныча по лесным не топтанным тропинкам, бродила, да вышла на маленькую избушку. Возле избы той сидела востроглазая сухая старуха и теребила скорыми костлявыми руками лен.

«Не это ли та самая ведьма? – подивилась Грунюшка и без приглашения присела на завалянку, чтобы попытать у бабки про знахарку именитую.

Присела и забыла, с чем пришла.

– Возьми это зеркальце, – неожиданно заговорила несловоохотливая бабуса. – Оно и выведет тебя к Сорокину.

– Как? – растерялась Груня, но зеркальце схватила и к лицу поднесла.

И сейчас не удержалась женщина, чтобы не полюбоваться собой.

– А так, – сразу сникла полоумная и от гостыи незваной отвернулась. – Сказано, смотришь в него: пока красивой будешь себе казаться, правильную дорогу держишь. А как меняться на глазах начнешь – не туда свернула.

Подивилась бредням мегеры Платоновна, подивилась да тяжело на ноги поднялась.

– Подожди, – остановила заплутавшую лесная жительница, – молвить хочу вот что. Появится у тебя через четыре месяца девочка красоты неописуемой. Только ведаю по глазам, не нужен ребенок этот матери. Так вот, оставляю я у себя детку, а ты приходи рожать сюда, в эту избушку. Приму я у тебя роды да домой с миром отпущу. И живот твой небольшим до конца будет, не опозорит тебя перед сельчанам. Наденешь сарафан пышный, тот и не выдаст беременности ближним и дальним.

– А как я дорогу найду? – ощущая приступ неописуемой радости, вскричала Аграфена Платоновна. – Да и лютой зимой это будет!

– А гостинец на что? – пробурчала чернокнижница и от пришельцы отшатнулась. – Если бы не дитяtko, век бы тебя не видала!

Прочитала баба в глазах фурии угрозу, прочитала, да отмахнулась от нее, угрозы этой. Главное, не будет новорожденная девка ее молодые лета губить. А с дурнем Иванычем Грушенька и без колдовства разберется. И дом его крепкий приберет к рукам. Поможет ей в этом хитрость да ловкость, а на бога надежи нету, да и есть ли на свете бог этот!

Пока размышляла бабонька, исчезла ведьма проклятая, будто ее и не было.

Взглянула на себя в зеркальце женщина да ноги к селу у нее сами побежали. Вернулась, а Улька со своей красотой ненавистной за столом сидит. Нечего ей, видите ли, делать! Поставила на место падчерицу мачеха и за занавеской спряталась. Смотрит на подарок, а в нем темно стало. Знать, неправильно сделала старшая Назарова. Проглотила обиду от глупого предмета женщина, да забросила его в дальний угол, чтобы при приближении родов вновь вынуть оттуда и за освобождением в лес уйти.

Время прошло быстро, будто кто-то невидимый дергал за веревочку прирученные деньки и ночи, торопя их и понукивая. Все казалось странным беременной женщине. И то, что как-то незаметно прошли все ее немочи, что Василий внимания не обращает на округлившуюся талию женушки, что девчонки глаза отворачивают, а пацан единственный слюнявые губы облизывает. Калека, а поди ты, вымахал в богатыря русского.

Так думала мачеха, с тоскою глядя на опустевший без Алексея мир, покрытый снежной могильной пеленой, а потом вдруг вспоминала обещания Марфы, и играло в груди ее сердечко ретивое, играло да надеждой наполнялось.

А однажды утром раненько почувствовала Грунюшка, что внизу живота ломить стало, поболит-поболит да отпустит, поболит-поболит да отпустит. Взглянула со страхом в окошко, но, ничего не поделаешь, надобно в лес идти.

Никто и не заметил, как она из избы выползла. Станным это показалось беглянке, но, поразмыслив о чудной семимесячной беременности, она сделала вывод, что удивляться больше ничему не будет. Видно, высшие силы в лице грозного дьявола решили защитить сиротинушку, только она не будет ерепениться и от защиты той отказываться.

Зеркало, тихо извлеченное из потайного местечка, будто светилось изнутри и путь ей указывало. Даже промерзшие насквозь ветки и кусты не царапались, дорогу ей уступали. Тишина стояла оглушающая, но Груня не боялась, она верила, что все, наконец-то, станет у нее хорошо.

Заимка показалась как-то сразу, будто вынырнула из сугробов и предстала пред званой гостьей.

– Заходи, – распахивая припорошенную метелью дверь, велела старая чернокнижница, – давно уж тебя поджидаю.

И только тут поняла Аграфена, что уже около часа не было у нее ни одной схватки.

– Ложись, – приказала ведьма и бесцеремонно опрокинула пришельницу на старый, повидавший виды, топчан.

В животе ожило, невероятно заломило, и, извергая победный клич, показалась крохотная головка новорожденной девочки.

«И так легко рожают»? – поразила женщина и, вытолкнув из себя остатки тяжелого бремени, неожиданно потеряла сознание.

Очнулась она на рассвете. Тошнотворный запах не мытого тела и чего-то еще, запекшегося на простыне между ног, тотчас ударил в ноздри. Голова закружилась. Пот ручьями побежал по спине родильницы и оросил ядовитыми потоками старый, издававший виды топчан. Оглядевшись по сторонам, женщина поняла, что она не одна. Кто-то возился за жарко протопленной печью и что-то неясно напевал.

– Эй! – позвала непонятное существо Аграфена Платоновна. – Эй!

– Поднимайся, – распорядилась Марфа-колдунья, внезапно появляясь перед долгожданной гостьей и складывая на ее колени чистую, пропахшую снегом, одежду, – на дворе стоит лошадь, которая и довезет тебя до Сорокина. Но сначала выпей.

Железная кружка, наполненная до краев пахучей жидкостью, больно ткнулась в зубы Грунюшки. Сделав несколько больших глотков, Назарова почувствовала неожиданный прилив сил и шустро вскочила на ноги.

Уже дома, обмывшись в баньке, Грунька осознала, что все пережитое ею было не иначе как чудом. Черный ворон, порхающий перед резвой гнедой кобылой, кажется, беспечно насвистывал какую-то знакомую мелодию, деревья расступались и пропускали вперед крестьянку, будто простой народец боярыню какую.

Только действительно стала после этой ночи Аграфена чувствовать себя барыней. Да и не мудрено уподобиться ей, когда у тебя в помощниках две безмолвные девки и простофиля Филимон. Да и старикашка Васька ни в чем не перечит своей молодой женушке! Про дочку женщина не вспоминала, и где находилась ее родная кровь, знать не желала.

А там и занятные времена настали. Сначала Улька замуж выскочила, а затем и сгинула с бела света местных парней зазнобушка. А за ней и Наташка запропала. Василий же и усом не повел, недаром она, Аграфена, наговоры все время почитывала. Присушками называются.

А там и любовник у Грушеньки появился – собственный пасынок. Молодой и красивый. Хромоногий только. Но больно в постели ловок парень оказался, всем угодить может.

А тут и революция подросла. Гоголем заходил бесправный люд, а Дементий Евсеич после смерти сыночка сник совсем. На заправского хозяина перестал похожим быть. И Фекла Устиновна дюже заболела. Ходит по селу и словно не видит никого. Хватит, попили кровушки из сельчан буржуи недорезанные!

А как-то заскочила к Назаровым Прасковеюшка да как заорет:

– Красные солдатики в село пришли! Макаровых в Сибирь высылают! Да и не их одних!

Тогда испугалась Грушка, а что если и их хозяйство большевики себе присвоят?

– Не присвоят, – успокоила ее Антипова. – Колька Саврасов там сичас заглавный! Все спит да видит, что Улька ваша возвратится. А если сошлют тебя да Василья, где он Ульяну искать будет?

Оказалась права односельчанка. Пришел вечером Николай, посидел, чаю попил, про зазнобу пораспрашивал. Не верил, что утопла краля его. Да и не стали Назаровы разубеждать гостя дорогого. Кто знает, может, найдется баба, а там и совсем хорошо Груше станет, ведь не у каждого в сродственничках такие большие люди ходят!

Уехал Саврасов в Михайловск, а вместо себя заглавным Тишку назначил. Смехота да и только! Мычит Баранов на крестьян, мычит, а верховодить ими не умеет. Рылом не вышел. Али наоборот? Уж больно пригож начальничек-то! Недаром дуреха Наташка по нему сохла! Да и горячка Матрена на парня завсегда заглядывалась!

А однажды в сених Груня с Барановым столкнулась. Как бы ненароком прикорнула она к его могучей груди да и застыла в сладкой истоме. Вспыхнул кострищем незванный гость да в горницу поспешил. А там и с Филькой разговор вести стал про колхоз какой-то. Мудреное слово-то этакое! Кол-хоз! Будто колья в середняцкие хозяйства вбивают! А затем баб и мужиков объединят. Сегодня с одним спишь, завтра с другим. Кто понравится, тот и твой! Уж теперя не отвертится от нее, красавицы, Тишка, лишь бы Улька с того света не возвратилась!

А давеча Фома Еремин зашел да у хозяйшки молочка попросил. Для детей своих. Дала ему молока женщина. Так за голодранцем цельная толпа привалила. Мясца да картошечки кланчить стали. Возмутилась тогда Аграфена Платоновна да ни слова не говоря в избу ушла. А ночью кто-то их дом поджег! Еле выбралась женщина из горенки, а Василий в постели остался. Пьян был. Не стало у Грушеньки хозяйства, да и хромой Филька после похорон обгоревших косточек батяни куда-то запропастился. Грят, в Михайловск подался. Там дохтур какой-то появился. Грят, ноги хорошо ставит. Вот тогда и вспомнила женщина про свою кровиночку. Может, стоит к Марфе в лес сходить, на постой попроситься? Али за кого из вдовых мужиков замуж пойти? Не бесприданница все же – сколько скота осталось! Вон Фома Еремин с нее глаз не сводит. И Красулин на днях овдовел. Померла от неизвестной болезни его Дарья. Да только у обоих детей немерено, а вкалывать на них Аграфена не хочет, да и не может терпеть она детвору сопливую. Найти бы ей богатого и одинокого, да где такого сыскать? Разве только синеглазый Тишенька для этой цели подойдет? Грят, он в каменном доме Макаровых поселится.

Так думала Груня, когда к куме Катерине огородами на соседний двор спешила. Переночует она у новоявленной родственницы, а назавтра распродаст скотину да в город молодежи отправится. А тама, бог даст, со своей красотой не пропадет!

– Входи, – буркнула недовольно Катька, пропуская погорелицу в жарко натопленную избу. – Продай нам коровушек, Грушка, да и от теленочков мы не откажемся. А на эти деньжищи новый дом справишь. Поговори с Тихоном, вона и изба Калашниковых освободилась. Не откажет, поди, ведь в Ульку твою влюблен был.

«Если б жива была эта Улька, убила б, – сжала кулаки мачеха, – И что только в ней мужики нашли?»

Недобро усмехнулась соседushка да на полати в общей горенке бездомную уложила. За ситцевой занавеской похрапывал работающий мужик Катерины Афанасий. Сытый и умиротворенный, он видел покойные сны, в которых не было места несчастной вдове Грушеньке.

Тяжко вздохнув, Аграфена опрокинулась на жесткий, набитый колючей соломой, тюфяк и, нехотя перекрестив утомленные уста, тотчас заснула.

Глава 11 Вдовье счастье

Наталья сидела на полу в жаркой душистой горенке и с интересом рассматривала диковинные коренья, собранные Марфой по глубокой осени.

– Какие разные, – соскабливая ножиком прилипшую к ним землю, расслабленно думала девушка. – Совсем как люди. И характер у них разный. Корешок девясила, например, лечит не только душевную хворь, а и все совершенно недуги. Девять сил дает он страдающим. Кро-вохлебка больной живот врачует, но полнокровным ее пить нельзя. А валериана....Не благодаря ли ей несчастная успокоилась и перестала вспоминать Тишеньку»?

– Снова о нем думаешь? – беззлобно проворчала колдунья, вваливаясь в сенцы с охапкой обледеневшего хвороста. Ну ничего, скоро Рождество Христово, а на него все мечты сбываются. Станешь ты ведуньей знатной, девка, будут люди к тебе табунами ходить. Вот тогда-то и притопают в нашу избу твой разлюбезный. Помяни мое слово, – бочком-бочком, проткнула чернокнижница бездонным глазом Наташкину работу, одобрила ее и, мелко перекрестив зевающий рот, отправилась за шторку отдохнуть после ночных молитв и поклонов, которые отшельница с усердием клала, дабы остановить кровопролитие, терзающее Россию-матушку последний лихой год.

«Хорошо бы», – вздохнула беглянка и, чувствуя внезапное головокружение, моментально заснула.

Красный конь галопом проскакал мимо Натальюшки и ринулся в лесок, находящийся подле самого назаровского дома, а там вскорости затрещали ветки и испугнутые шумом птицы повывлетали из кустов, отчаянно крича что-то на своем неведомом простому смертному языке.

«Пожар», – догадалась спящая и с усилием метнула наружу свое эфирное тело, дабы не допустить проникновения всепожирающего огня в обожаемое родительское гнездо.

– Горим! – заорала Агриппина Платоновна, выскакивая из объятый пламенем избы и хватая порочными губами пропитанный едким дымом воздух.

Вслед за полураздетой мачехой на крыльце показался обезумевший Филька. Он прыгал, дико вращая обезумевшими очами, а там, в горнице, мертвецки спал после обильного винопития Василий Иванович.

«Погибнет»! – мелькнуло в голове у души Натальиной и, сжавшись в тугой комочек, бросилась она на помощь к тятеньке, да не смогла разбудить его, беспамятного.

Дико выла девушка, наблюдая за тем, как кровавое прожорливое пламя с жадностью облизывает руки и ноги несчастного. Неистово молилась она Богородице, но там, на благополучных небесах, не пожелали приоткрыть окошечко, дабы услышать стенания простой крестьянки.

– Не заслужила ты еще их милости, – выплыла из багрового зарева Марфа-колдунья. – Много, ох, как много тебе надо учиться, девица, чтобы приблизиться к населяющим небесную твердь.

– Батюшка! – тонко заскулила отверженная высшими силами и по чьей-то прихоти в мгновение ока перевернулась вниз головой, чтобы стремительно обрушиться в безобразное маленькое тельце.

Наташка пробудилась так же неожиданно, как и заснула. Протерев заплаканные глаза, она повернулась к окошку и поняла, что уже стемнело.

«Как же быстро стало смеркаться», – покачала головой девушка и под тихое сопение ведьмы снова принялась за работу.

«А этот чудной человечек – женишень, – обдумывая ужасающее сновидение, мысленно проговорила труженица, – и произрастает он в Сибири немереной. Привезли коренья купцы

богатые аж с самого моря Байкала, а Марфуша тут как тут, сторговала его у них да каким-то образом у себя вывела».

Нарушая безмолвие горницы, в углу, на стуле, перебирал когтистыми лапками черный ворон и косил любопытным глазом на нового члена семьи.

– Кирк, – тихо позвала благовоспитанную птичку девица, и та с готовностью подлетела к ней, а затем села на плечико и что-то непонятно прошипела.

– Что ты хочешь мне сообщить? – подставляя ушко чудному говорящему ворону, пролепетала Наталья и почувствовала, как быстро-быстро забилося ее сердечко.

– Четверг, грёзы претворяются, – взмахнув крылами, важно изрек носатый собеседник и тяжко-тяжко вздохнул. – Умерр, умерр Назарров. Послезавтра похорроны.

– Я должна идти в Сорокино, – стараясь унять подступающие к горлу рыдания, сжала кулачки сиротка.

– Сгоррел, пррах, – уронил клюв Кирк, и одинокая слезинка скатилась из беспросветного, все понимающего его зрачка.

– Ты никуда не пойдешь, – распорядилась неожиданно пробудившаяся Марфа и, спустившись с печи, подала всхлипывающей гостье глиняную кружку с темно-коричневым содержимым.

– Почему? – покорно принимая неизвестный настой, задыхаясь, прохрипела несчастная.

– Его предадут земле и без тебя. А ты, ты погибнешь, если отправишься в Сорокино.

Колдунья была непреклонна.

– Где Филя? – ощущая нарастающее онемение в ногах, кротко проговорила Натальюшка. – Неужели и он...

– В горроде, – опередил хозяйку мудрый ворон.

– Скоро исцелится твой Филя, – метнула рассерженный взгляд на невоспитанную личность Марфа, – но это исцеление его и погубит. Горе какое!

– Горе? Отчего горе? – погружаясь в блаженное безмолвие, чуть слышно прошептала беглянка и, зачарованно наблюдая за разноцветными воздушными шарами, медленно наполняющими безразмерное пространство жилища, погрузилась в спасительную темноту.

Очнулась она ночью. Одинокая сгорбленная фигура жутким привидением висела в дальнем, не освещенном полной луной, углу. Она, нащептывая что-то зловещее, круговыми движениями водила отбрасывающими страшные тени руками по тщательно выбеленной стене.

– Что вы делаете? – хотела спросить Натальюшка, но предательские слезы с готовностью захлестнули все ее невостребованное в мире заурядных людей существо, и, орошая пересохшую от переизбытка тепла кожу, побежали по ней щекочущими ручейками, словно собираясь сгруппироваться и превратиться в тот бурлящий от неистовой силы океан, который она, простая деревенщина, никогда в жизни не видела и, наверняка, не увидит.

Пытаясь сбросить ненавистное оцепенение во всем теле, девушка захрипела, но ведьма не обратила внимания на ту, которую приготовила на заклятие.

Словно призрак из ночного кошмара, колдунья грозовой тучкой подплыла к своей безвольной распластанной жертве и, возложив сжигающие руки на холодный лоб Натальюшки, стала читать заговор:

– Вечерняя заря Ульяна! – тонко крикнула Марфа и торжественно подняла маленькие натруженные ладошки к переставшему существовать потолку.

– Обеленная заря Маремьяна, – минуя небольшую паузу, продолжила она свой непонятный и переворачивающий зачарованную душу монолог, – страхните, сполохните все семьдесят семь предметов тоски-кручинушки с божьей рабы Натальи. Отряхните, смахните и унесите за семьдесят семь гор, за семьдесят семь морей, за семьдесят семь полей, за семьдесят семь дорог, за семьдесят семь ворот...

«Тиша», – превращаясь в свободную быстрокрылую ласточку, вяло подумала сиротинушка и, наливаясь недюжинными силами, вспорхнула с притягивающего к сырой земле изгнотовленного обреченными смертными созданиями топчана, чтобы полететь туда, где давно уже ждала ее безмятежная и взаимная любовь.

Очнулась она внезапно, когда несмелое зимнее солнышко робко заглядывало в ее горницу.

Думать о плохом не хотелось. Лишь мгновенное воспоминание о трагической смерти отца невольно обожгло ее беспечную душеньку, но, отмахнувшись от этой дотошной мысли, воскресшая натянула на себя сарафан и, подбежав к остывшей печи, вонзила крепкие зубы в неимоверно вкусный душистый каравай.

– Хорроша! – подлетел к госте любопытный Кирк.

– Господи, – всплеснула руками девушка, – кажись, проспала я утреннюю молитву и не помогла Марфуше подоить кормилицу козу Ночку! Осерчает на меня хозяйшка!

– Осеррчает, – согласилась с приживалкой черная птица. – Хорроша!

«Такой хлебушек не получался даже у Уленьки», – решила Наташка и нечаянно, будто кто-то настойчиво звал ее, обернулась на зеркало, висевшее на противоположной стене.

Сизая дымка, наполнявшая все его таинственное пространство, внезапно резко растворилась и явила очарованному взору Натальюшки нежную, прелестную, будто сошедшую с небес девушку, достойную любви самого прекрасного в мире юноши, такого, как богатырь русский Тиша.

– Очаровательная! Обворожительная! – уселся на плечо пленительного явления ворон.

Крепко зажмурившись и резко распахнув глаза, Наталья хотела что-то ответить, но обрушившаяся с небес пронзительная до слез радость не дала ей сказать ни единого слова.

– Если ты когда-нибудь покинешь меня, – словно из потустороннего мира прозвучал голос Марфы-колдуньи, нежданно-негаданно проявившейся из белесого облака, безразлично висевшего за печью, снова превратишься в ту, которую презирали недостойные признания высших сил люди.

– Никогда, – прощаясь с Тишей Барановым, быстро заверила ведьму Натальюшка и, мгновенно потеряв интерес к своей новой непривычной оболочке, заторопилась в сени, чтобы, вдохнув свежего, опьяняющего воздуха на безмолвном и пустынном дворе, спешно наколоть дров, запасенных радательной хозяйкой пригожим ясным летом. Тем летом, когда живы были папенька и сестрица Улюшка, когда не было этой проклятой и непонятной крестьянам революции, дающей будто бы свободу неограниченную, но отбирающей самое сокровенное – жизнь.

Уля смотрела на спящего Германа и силилась вспомнить то, что говаривал вчера ночной гость. Кажется, убила у любимого новая власть родителей, умчался в дальние страны родной брат. Выходит, не поедут они в неведомую и загадочную Беларусь, не увидит она заветной родины суженого. Да и в Сорокино Улюшка являться не хочет. Там живет и здравствует ненавистный до колик Тришка и он, словно паук, терпеливо ждет свою слабую, беззащитную жертву, чтобы вновь затащить в сети и отдать на поругание старому бесстыднику Дементию Евсеичу.

– Поставь самовар, родная, – сквозь сон прошептал Мороз, и одинокая слезинка показалась из полуопущенных его век. Показалась и тотчас спряталась.

Огонь в печи ярко полыхал, видимо, лег Герман почивать под утро, а она, бессовестная, беспечно проспала всю долгую зимнюю ночь.

Наскоро накромав хлеба, Уля заглянула в шкафчик и обнаружила там настоящие фабричные конфеты в ярких, разноцветных, хрустящих обертках. Такие выпускали еще при несчастном сверженном царе Николае.

– После завтрака едем в Сорокино, – тяжело поднимаясь с полати, распорядился ее нареченный. – Надо серьезно поговорить с Трифоном да испросить благословения у батюшки.

«У какого батюшки? – с тоскою вспоминая неприятного сельского священника, невольно всхлипнула девушка. – Впрочем, у любого, лишь бы скорее»....

Она быстро накрыла на стол, и, пока Мороз отфыркивался под ледяным рукомойником, тайно от возлюбленного вытерла рукавом глаза.

Ехали они долго. Нанятые на этот случай лошади оказались не кормленными и, судя по съеденным наполовину зубам, очень старыми. Невыспавшийся извозчик нехотя натягивал стертые неумолимым временем поводья и, испуская из себя зловонный перегар, хрипло понукал несчастных спотыкающихся животных.

«Господи, – молилась про себя Уленька, – господи, не дай мне увидеть Макаровых. Не выдержу я этого испытания»!

То, что вопреки страстным мольбам, придется встретиться с ненавистными новоиспеченными родственниками, ужасало бедняжку настолько, что бросало в пот, и она, не чувствуя холода, утирала варежкой взмокший лоб и по-детски хлюпала покрасневшим от ветра носом.

– Наверное, не доедут, бедняги, – подытожил Герман и еще сильнее прижал к себе свою ненаглядную.

– Самим жрать нечего, – отозвался ямщик и передернул обернутыми в рванье костлявыми плечами. – Давеча сыночка схоронил, Царствие ему Небесное! Всего двенадцать годочков было.

– И от чего он помер? – очнувшись от дум Ульяна.

– От какой-то ребячьей болячки, гряд, коклюш какой-то, а, по-моему, от этой треклятой революции. Черт бы ее побрал! – мужик отвернулся и как-то особенно озлобленно выкрикнул – Эх, наедемся мы мяса конского до отвала, чтобы пузо раздуло! А там и в могилке растянуться можно!

Стало страшно. Где-то завыл ветер и, словно фокусник, обрушил на землю внезапные грузные сумерки.

– А еще полдень, – взглянул на часы Мороз и натянул на Уленькины ноги старый тулуп, без дела валявшийся на дне выложенной сеном телеги.

– Волки, – вдруг вздрогнул кучер, а лошади, вскинув к небу истощенные морды, заржали так, что застыла кровь в жилах.

– Волки? – откликнулся эхом Герман и привстал, чтобы получше разглядеть надвигающуюся на них опасность.

– Не бойсь, паря, прорвемся!! – весело крикнул некто, пробирающийся сквозь дремучую чащу оскорбленного непогодой леса.

Невысокий мужичок, показавшийся Уле знакомым, вынырнул из зарослей переплетающихся друг с другом деревьев и, проваливаясь по колени в сугробы, пошел напрямик на обескураженных ездоков.

– Свят, свят, – неистово накладывая на себя скорые кресты, забормотал путник и, мужественно справившись с испугом, радостно заорал. – Улька, ты что ли?

– Дядя Еремей, – обмирая, прошелестела девушка и, чувствуя неожиданную слабость во всем теле, крепко прижалась к Герману.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.